

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

НИСХОДЯЩИЙ
КОД

18+

Эдуард Сероусов

Нисходящий код

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72608059

SelfPub; 2025

Аннотация

2087 год. После серии экологических катастроф человечество оказалось на грани вымирания. Доктор Виктор Рамирес, ведущий нейробиолог, яростно выступает против радикальной программы "Нисходящий код" – протокола контролируемого упрощения человеческого организма и сознания для адаптации к умирающей планете. Но когда его дочь Лина тайно становится участницей программы, а собственная жена умирает от последствий экологического коллапса, Виктор начинает видеть в упрощении не деградацию, а новый эволюционный путь. Противостояние с трансгуманистами "Восходящими", стремящимися к технологической трансценденции любой ценой, ставит человечество перед выбором: адаптация через упрощение или доминирование через сложность.

Эдуард Сероусов

Нисходящий код

Часть 1: Сопротивление

Глава 1: Необходимость

Виктор Рамирес не отрывал взгляда от голографического экрана, где танцевали кривые метаболической активности экспериментальных образцов мозговой ткани. Он следил за нейронными всплесками с той же холодной методичностью, с какой кардиохирург наблюдает за сокращениями сердца под скальпелем. Участок префронтальной коры, выращенный из стволовых клеток, реагировал на стимуляцию ровно так, как он и ожидал. Предсказуемо. Успокаивающе предсказуемо.

В отличие от сегодняшнего дня.

– Доктор Рамирес, заседание начнётся через пять минут, – напомнил лабораторный ИИ.

Виктор коротко кивнул, не отрывая взгляда от данных. Проблема образца Н-42 никуда не исчезла. При избирательной деградации нейронных связей в венстромедиальной префронтальной коре снижалась тревожность, это было хорошо известно. Но параллельно с этим нарушались механизмы принятия решений. Компромисс, на который готовы были пойти создатели «Нисходящего кода». Компромисс, который он никак не мог принять.

– Сохрани протокол, – сказал Виктор, стягивая лабораторный халат. – Продолжай наблюдение по стандартной процедуре.

– Принято, доктор Рамирес. Уведомлять вас о любых отклонениях?

– Только если показатели выйдут за пределы трёх сигм.

Виктор надел форменный пиджак с эмблемой Последнего Университета на нагрудном кармане. Прислушался к еле уловимому шелесту интеллектуальной ткани, адаптирующейся к микроклимату его тела. Семь лет назад такая ткань считалась прорывом. Теперь это был просто удобный костюм. Семь лет назад еще были другие университеты.

Амфитеатр Совета встретил его приглушённым гулом голосов. Виктор скользнул взглядом по присутствующим: тридцать семь человек – весь научный совет Последнего Университета в полном составе. Необычно. Обычно треть участвовала удаленно. Сегодня все явились лично, даже вечно занятые руководители военных исследований.

Он занял своё место в третьем ряду и активировал планшет. На экране высветилась повестка дня с единственным пунктом: «Протокол ND-7. Финальное утверждение».

Виктор сжал челюсти. Именно этого он боялся. Они собираются сегодня проголосовать. Не обсудить, не пересмотреть – проголосовать. Решение уже принято. Это просто фор-

мальность.

Председатель Мария Костас постучала пальцем по кафедре, привлекая внимание. Тонкое, изящное лицо с проступающими скулами делало её похожей на античную статую. Как и многие в этом зале, она была истощена. Не от недостатка пищи – ресурсы Последнего Университета это позволяли – а от непрерывной работы и бесконечного стресса.

– Коллеги, – её голос, усиленный акустической системой, разносился по залу без искажений. – Я благодарю всех за личное присутствие. Повестка у нас сегодня содержит один вопрос, но от него зависит будущее нашего вида.

Виктор поморщился от этой высокопарности, но промолчал. Мария продолжила:

– Мы собрались, чтобы принять решение о полномасштабном развёртывании «Нисходящего кода», протокола направленного нейроэволюционного упрощения *homo sapiens*. Прошу доктора Акселя Харта представить финальную версию.

В центр амфитеатра вышел высокий седой мужчина. Основатель проекта, создатель концепции «Нисходящего кода», самый блестящий нейробиолог своего поколения. Харт двигался с той особой осторожностью, которая выдавала начавшиеся проблемы с координацией. Побочные эффекты его собственных экспериментов? Виктор внимательно наблюдал за ним, пытаясь заметить другие признаки.

– Суть протокола всем известна, – начал Харт без пре-

дисловий. – Через направленную вирусную модификацию и последовательную перестройку нейронных связей мы можем контролируемо упростить человеческий организм, сделав его более эффективным в условиях экологического коллапса.

На центральном экране появилась модель человеческого мозга.

– Первая фаза – редукция лобных долей, отвечающих за абстрактное мышление и тревожность. Мы уже имеем успешные результаты на добровольцах первой волны. Снижение тревожности на 87%, повышение адаптивности в стрессовых ситуациях на 65%. При этом общие когнитивные способности сохраняются на уровне 92% от исходного.

Виктор подался вперёд, готовясь возразить, но Харт продолжил, словно предвидя его реакцию:

– Да, есть снижение в сферах абстрактного мышления и долгосрочного планирования. Это ожидаемо и является частью протокола. Мы сознательно отказываемся от избыточных функций.

– Избыточных? – Виктор не сдержался. – Доктор Харт, вы называете избыточным то, что делает нас людьми.

По залу пронёсся недовольный ропот. Виктор проигнорировал его.

– Вторая фаза протокола предполагает изменение иммунной системы и пищеварения. В третьей мы упрощаем языковые структуры. В четвёртой – полностью перестраиваем со-

циальные и эмоциональные отделы. Каждое поколение добровольно теряет часть нашей сложности. Мы получим не людей, а... новый вид. И этот процесс необратим.

Харт терпеливо выслушал и кивнул:

– Да, доктор Рамирес. Это будет новый вид. Адаптированный к новому миру. Миру, который мы создали своей сложностью.

Он сделал жест, и на экране появились графики:

– Температурные аномалии за последние 30 лет. Уровень выживаемости основных сельскохозяйственных культур. Концентрация микропластика в океане. Распространение резистентных инфекций. Все эти кривые говорят об одном – наша цивилизация в том виде, в котором она существует, обречена. Мы можем либо исчезнуть как вид, либо адаптироваться. «Нисходящий код» – это не просто научный проект. Это ковчег.

– Ваш ковчег лишает нас нашей сущности, – возразил Виктор.

– А что такое наша сущность, доктор Рамирес? – спокойно парировал Харт. – Абстрактное мышление? Способность писать сонеты? Или выживание нашего генетического материала? Эволюция не сентиментальна. Она эффективна.

Виктор поднялся с места, чувствуя, как учащается пульс:

– Позвольте напомнить, что эффективность «Нисходящего кода» не доказана. Мы имеем данные только по первой стадии, и даже они неполные. Долгосрочные последствия

неизвестны. Что будет с третьим, четвёртым поколением? Мы запускаем процесс, который не сможем остановить!

– А разве мы смогли остановить изменение климата? – голос Харта оставался спокойным, но в нём появились стальные нотки. – Или предотвратить Великий голод? Или остановить вымирание видов? Время абстрактных дискуссий прошло, доктор Рамирес. Теперь время действовать.

Председатель Костас вмешалась:

– Доктор Харт, мы ценим вашу презентацию. Доктор Рамирес высказал обоснованные опасения. Предлагаю перейти к...

Её прервал сигнал общей тревоги. Красные огни вспыхнули по периметру зала, и на всех экранах появилось экстренное сообщение.

– Прорыв дамбы в секторе В-7, – объявил автоматизированный голос. – Эвакуация прибрежных районов. Угроза затопления уровня «красный».

Мария Костас мгновенно переключилась в кризисный режим:

– Заседание приостановлено. Группа реагирования – немедленно в центр управления. Остальным оставаться на местах до новых указаний.

Виктор, входивший в группу кризисного реагирования, быстро покинул зал. Харт нагнал его в коридоре.

– Видите, Виктор? – сказал он тихо. – Ещё одна дамба. Ещё один город. Сколько их осталось? Пять? Шесть? Океан

забирает то, что мы у него отняли. Мы не можем выиграть эту войну старыми методами.

– Если вы правы, нам следует эвакуировать людей, а не модифицировать их нейронные связи, – отрезал Виктор, ускоряя шаг.

Харт не отставал, несмотря на проблемы с координацией:

– Эвакуировать куда, Виктор? На какую безопасную территорию? Их не осталось.

Центр управления кризисными ситуациями гудел как потревоженный улей. Голографические карты показывали прибрежный город Нью-Хейвен – одно из последних крупных поселений на восточном побережье бывших США. Линия берега, защищённая системой дамб, светилась красным в секторе В-7, где произошёл прорыв.

– Доклад! – потребовала Мария Костас, входя в центр вслед за Виктором и Хартом.

Оператор мониторинга, молодая женщина с воспалёнными от недосыпания глазами, быстро отчиталась:

– Прорыв произошёл в 14:32 по местному времени. Причина – комбинация шторма категории 4 и структурной деградации. Дамба была усилена в прошлом году, но материалы оказались неустойчивыми к новым штаммам водорослей, которые разрушили внешнее покрытие.

– Эвакуация? – спросил Виктор, изучая карту затопления.

– Началась, но идёт медленно. Транспортные артерии перегружены. Местная администрация не была готова к прорыву такого масштаба.

На экране появились живые трансляции с дронов наблюдения. Волны, тёмные и тяжёлые от мусора и токсичных водорослей, захлёстывали первые кварталы города. Люди в панике бежали, многие тащили детей и пожилых. Беспилотники спасательных служб пытались эвакуировать тех, кто застрял на крышах, но их было явно недостаточно.

– Сколько людей в зоне непосредственной угрозы? – спросила Костас.

– По последним данным, около тридцати тысяч.

Виктор почувствовал, как внутри всё сжимается. Тридцать тысяч. И это только начало. Дальше будет хуже.

– Мы можем направить группу быстрого реагирования с гравилётами, – предложил он. – С территории Последнего Университета мы доберёмся за сорок минут.

– Уже направлены, – ответила Костас. – Но наших ресурсов хватит для эвакуации максимум двух тысяч. Остальные...

Она не договорила, но все понимали, что это означает. Нью-Хейвен был обречён, как и десятки городов до него. Медленно, день за днём, океан возвращал себе сушу.

Виктор наблюдал за экранами, где отчаянно бежали люди, и в его груди нарастала холодная ярость. Не на природу, не на климат, а на себя и таких, как он – учёных, политиков,

бизнесменов, которые десятилетиями видели приближение катастрофы и ничего не сделали.

– Поразительно, – тихо произнёс Харт, глядя на панику в Нью-Хейвене. – Мы создали цивилизацию, настолько зависимую от стабильности, что любое нарушение вызывает коллапс. Так не может продолжаться, Виктор.

– И вы предлагаете решение? Сделать людей проще, чтобы им было легче умирать?

– Нет. Сделать их проще, чтобы они могли жить. Взгляните.

Харт активировал один из вспомогательных экранов и вывел на него изображение другого поселения.

– Это Нижнее Поселение-3. Одна из экспериментальных колоний, где живут добровольцы первой волны «Нисходящего кода».

Виктор увидел группу людей, работающих на берегу реки. Они укрепляли берег примитивными, но эффективными методами – используя переработанные материалы и специальные водоросли, закрепляющие почву. Их движения были чёткими, скоординированными, без суеты. Их лица – спокойными.

– Это поселение находится в зоне с высоким уровнем загрязнения, – продолжал Харт. – Радиационный фон превышает норму в семь раз. Концентрация тяжёлых металлов – в двенадцать. Обычные люди там не выживут. Но эти – адаптировались.

– Это не адаптация, – возразил Виктор. – Это самоубийство растянутое во времени. Да, их организмы не реагируют паникой на загрязнение, потому что вы изменили их мозг. Но токсины всё равно накапливаются.

– Нет, Виктор. Вторая фаза протокола модифицирует метаболические пути. Они не просто не паникуют – их тела по-другому обрабатывают токсины. Эффективнее. Я могу показать вам медицинские данные.

– Я видел данные, – отрезал Виктор. – Они неполные и неубедительные. У вас нет долгосрочных наблюдений.

– У нас нет времени на долгосрочные наблюдения, – мягко сказал Харт. – Нью-Хейвен тонет прямо сейчас. Каир полностью затоплен три месяца назад. Лагос стал необитаемым из-за влажности. Сколько ещё доказательств вам нужно, что мы проиграли эту войну?

Виктор отвернулся от экранов, не в силах смотреть на людей, которых не успеют спасти.

– Я не отрицаю катастрофу, Аксель. Я отрицаю ваш метод её решения. «Нисходящий код» – это отказ от всего, что делает нас людьми. Это конец нашей цивилизации.

– Наша цивилизация уже закончилась, – Харт положил руку на плечо Виктора. – Мы просто не все это осознали. То, что мы пытаемся сохранить – последние университеты, правительства, технологии – это фантомы. Призраки мира, которого больше нет. Но наш вид может выжить. В другой форме, более простой. Более... чистой.

В голосе Харта появились странные интонации. Виктор внимательно посмотрел на него:

– Вы уже начали, не так ли? Вы подвергли себя первой фазе протокола.

Харт улыбнулся – спокойно, почти безмятежно:

– Не только первой, Виктор. Я на четвёртой стадии. И знаете что? Я никогда не чувствовал такой ясности. Такого... принятия.

Виктор отшатнулся, шокированный этим признанием.

– Вы экспериментировали на себе? Без одобрения? Это нарушение всех протоколов!

– Протоколы устарели, – пожал плечами Харт. – Как и многое другое. Вы цепляетесь за правила мира, который умирает. Я адаптируюсь к миру, который рождается.

Мария Костас прервала их разговор:

– Доктор Рамирес, ваша группа отправляется через десять минут. Подготовьте оборудование.

Виктор кивнул и направился к выходу, но Харт остановил его:

– Виктор, когда вернётесь, приходите ко мне в лабораторию. Я хочу показать вам кое-что. Нечто, что может изменить ваше мнение.

– Мы продолжим этот разговор, Аксель, – сухо ответил Виктор. – Но не думайте, что сможете убедить меня разрушить человеческий разум во имя выживания.

– Не разрушить, – покачал головой Харт. – Трансформи-

ровать. Как и всё в природе, Виктор. Как и всё в природе.

Четыре часа спустя Виктор стоял на крыше медицинского центра в Нью-Хейвене, наблюдая, как город медленно исчезает под водой. Группа быстрого реагирования Последнего Университета эвакуировала полторы тысячи человек – в основном детей и критически важных специалистов. Все, кого смогли вместить гравилёты.

Для остальных надежды почти не было. Федеральная система спасения, когда-то гордость страны, теперь существовала лишь на бумаге. Слишком много катастроф, слишком мало ресурсов.

Сквозь шум волн и плач выживших Виктор услышал странный звук – методичный, ритмичный. Он повернулся и увидел группу людей, работающих на соседней крыше. Они строили плот из солнечных панелей и переработанных материалов.

Их движения были слаженными, эффективными, без паники. Их лица – спокойными. Слишком спокойными для людей, чей город погибает.

Один из них поднял голову и встретился взглядом с Виктором. В его глазах не было ужаса или отчаяния – только спокойная решимость. Он поднял руку в приветствии, и Виктор заметил на запястье характерный биомаркер – тонкое светящееся кольцо.

Участники программы «Нисходящий код». Они уже здесь, среди обычных людей. Уже адаптируются.

Виктор почувствовал холод, разливающийся в груди. Не от страха, а от осознания. Мир менялся быстрее, чем он думал. И он не был уверен, что готов к этим изменениям.

Рядом приземлился последний гравилёт. Пилот крикнул: – Доктор Рамирес! Мы уходим через пять минут. Больше не вернёмся.

Виктор кивнул и в последний раз оглянулся на тонущий город. На людей, обречённых остаться. На спокойные лица тех, кто принял «Нисходящий код».

«Мы не можем выиграть эту войну старыми методами», – сказал Харт. Возможно, он был прав. Возможно.

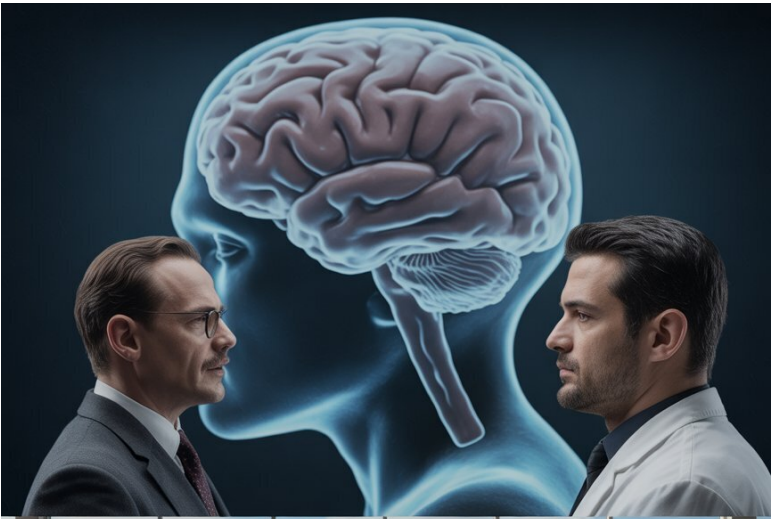
Но мысль о том, что человечество добровольно пойдёт по пути упрощения, отказа от всего, что делало его уникальным, вызывала в Викторе глубинный, первобытный ужас. Нет, должен быть другой способ. Должен.

Он вошёл в гравилёт, и машина оторвалась от крыши, поднимаясь над затопленным городом. Внизу медленно исчезали улицы, дома, целые кварталы – свидетельства цивилизации, которая считала себя непобедимой.

«Мы можем либо исчезнуть как вид, либо адаптироваться», – слова Харта эхом отдавались в голове Виктора, пока он смотрел, как океан поглощает ещё один кусочек человеческого мира.

Что если выбор действительно так прост? Что если других

вариантов нет?

Глава 2: Первый надрез

Капсула для нейросканирования обволакивала Виктора прохладным гелем, изолируя от внешних раздражителей. Чувствительные сенсоры, расположенные вокруг черепа, улавливали малейшие колебания электрической активности мозга, создавая трёхмерную карту его нейронных связей. Процедура, когда-то инвазивная и опасная, теперь была рутинной. Ежедневное сканирование стало обязательным для всего научного персонала Последнего Университета – мера предосторожности в эпоху нейротоксинов и вирусных энцефалитов.

– Пожалуйста, расслабьтесь, доктор Рамирес, – произнёс медицинский ИИ. – Ваше дыхание нерегулярно, что снижает точность сканирования.

Виктор попытался контролировать дыхание, но это было непросто. Его мысли возвращались к событиям в Нью-Хейвене. Три дня прошло, а он всё ещё видел тонущий город перед глазами. И спокойные лица тех, кто принял «Нисходящий код».

– Я вижу повышенную активность в областях, связанных с тревогой, – заметил ИИ. – Могу предложить нейромедиацию для стабилизации состояния.

– Нет, – отрезал Виктор. – Никакой медиации. Продолжайте сканирование.

После возвращения из Нью-Хейвена он ещё не встречался

с Хартом. Избегал этого разговора, зная, что Аксель будет использовать трагедию как аргумент в пользу «Нисходящего кода». И боялся, что на этот раз у него не будет достойного контраргумента.

Двадцать минут спустя сканирование завершилось. Виктор вышел из капсулы, вытирая остатки геля с шеи.

– Ваши результаты соответствуют норме, доктор Рамирес, – сообщил ИИ. – Однако наблюдается повышенный уровень кортизола и норадреналина. Рекомендую отдых и седативную терапию.

– Спасибо, я в порядке, – Виктор натянул рубашку. – Передайте данные сканирования в мою личную лабораторию.

Он вышел из медицинского центра, направляясь к своему исследовательскому корпусу. Территория Последнего Университета была обширной – последний оплот организованной науки на западном полушарии, защищённый горами бывшей Швейцарии от повышения уровня моря и сильных штормов. Университет был самодостаточным комплексом с собственными энергетическими системами, сельскохозяйственными блоками и производственными мощностями. Последний бастион старого мира.

Виктор шёл по извилистой дорожке между лабораторными корпусами, когда заметил необычную группу людей на центральной площади. Пять мужчин и три женщины в простой функциональной одежде наблюдали за фонтаном с каким-то детским восхищением. Один из них зачерпнул воду

рукой и поднёс к лицу, словно никогда раньше не видел чистой воды.

Мониторинговые браслеты на их запястьях светились голубым – участники программы «Нисходящий код», первая стадия. Добровольцы.

Рядом с ними стоял сотрудник службы адаптации, что-то объясняя. Увидев Виктора, он помахал рукой, приглашая подойти.

– Доктор Рамирес! Можно вас на минуту? Группа только прибыла из Нижнего Поселения для оценки результатов первого этапа.

Виктор колебался. Он избегал прямого контакта с участниками программы, предпочитая работать с обезличенными данными. Но научное любопытство пересилило.

– Конечно, – он подошёл к группе. – Доктор Виктор Рамирес, нейробиология.

Молодой мужчина с выбритыми висками шагнул вперёд и протянул руку:

– Томас Миллер. Но все зовут меня Эхо.

Рукопожатие было крепким, но странным – Томас держал руку под необычным углом, словно экономя энергию на движении.

– Почему Эхо? – спросил Виктор из вежливости.

Томас улыбнулся – просто и открыто:

– Потому что я улавливаю и повторяю. Это моя адаптация после кода.

– Улавливаете и повторяете? – Виктор нахмурился, не понимая.

Вместо ответа Томас сделал шаг назад, закрыл глаза на несколько секунд, а затем произнёс, в точности имитируя голос и интонации Виктора:

– «Конечно. Доктор Виктор Рамирес, нейробиология».

Виктор невольно отшатнулся. Имитация была идеальной – не просто слова, но тембр, ритм речи, даже микропаузы между словами.

– Впечатляюще, – признал он. – Эйдетическая память?

– Не совсем, – улыбнулся Томас. – Я не помню всё. Только то, что нужно. Важные паттерны. Это появилось после первого надреза.

«Первый надрез» – так участники программы называли первую фазу нейромодификации. Виктор почувствовал непроизвольную дрожь. Они говорили о сознательном изменении своего мозга так буднично, словно о стрижке.

– И что вы считаете важными паттернами? – спросил он, пытаясь сохранить нейтральный тон.

– То, что помогает выжить, – просто ответил Томас. – Голоса, звуки опасности, ритмы. Вот этот фонтан, например. – Он указал на струи воды. – Я чувствую его ритм. Если он изменится, я узнаю. Это полезно.

Одна из женщин в группе – стройная, с неестественно прямой осанкой – заговорила:

– Мы все получили разные дары после надреза. У меня

улучшилось обоняние. Я чувствую химические изменения в воздухе за несколько минут до того, как их зафиксируют ваши датчики.

– А я вижу инфракрасный спектр, – добавил пожилой мужчина. – Не полностью, конечно, но достаточно, чтобы ориентироваться в темноте и находить людей по тепловому следу.

Виктор слушал их с растущим беспокойством. То, что они описывали, не было просто компенсаторными механизмами после потери части когнитивных функций. Это было нечто иное – перераспределение нейронных ресурсов, приводящее к развитию новых, более примитивных, но эффективных способностей.

– А что вы потеряли? – прямо спросил он. – Какую цену заплатили за эти... дары?

Группа переглянулась. Никто не выглядел обеспокоенным вопросом.

– Я больше не могу решать сложные математические задачи, – пожал плечами Томас. – Но мне это и не нужно. Алгоритмы решают их лучше.

– Я не помню большую часть своего детства, – спокойно сказала женщина с обострённым обонянием. – Только ключевые моменты. Остальное стёрлось. Но это освободило место для новых воспоминаний. Более полезных.

– Я не испытываю экзистенциальной тревоги, – добавил пожилой мужчина с лёгкой улыбкой. – Это самое приятное

изменение.

Виктор почувствовал, как внутри нарастает протест. Они говорили о потере частей своей личности как о чём-то незначительном, почти благотворном.

– И вы не сожалеете? – спросил он, не скрывая недоверия.

Томас посмотрел на него с искренним непониманием:

– О чём сожалеть, доктор Рамирес? Мы адаптируемся. Это то, что делали люди всегда. Просто теперь мы делаем это более... направленно.

Сотрудник службы адаптации мягко вмешался:

– Доктор Рамирес, группа здесь для плановых тестов. Если у вас есть время, доктор Харт просил сообщить, что он будет рад вашему участию в оценке результатов.

Виктор помедлил, затем кивнул:

– Я приду. Через час.

Он попрощался с группой и продолжил свой путь, чувствуя странное смятение. То, что он увидел, противоречило его ожиданиям. Он предполагал встретить людей с очевидными когнитивными нарушениями, с признаками деградации личности. Вместо этого он видел спокойных, адаптивных индивидов с необычными способностями. Они были иными, но не сломленными.

Может быть, Харт был прав? Может быть, контролируемое упрощение действительно было путём к новому типу адаптации?

Нет. Виктор отогнал эту мысль. То, что он видел, было

лишь первой стадией. Дальнейшие этапы предполагали более радикальные изменения, включая потерю языковых способностей и полное переформатирование социальных структур мозга. Это был путь к уничтожению всего, что делало человека человеком.

Лаборатория Харта занимала отдельный корпус в восточной части комплекса. В отличие от стерильных, высокотехнологичных помещений, типичных для Последнего Университета, это было странное сочетание передовой науки и почти примитивного натурализма. Растения в биореакторах соседствовали с голографическими экранами. Аналоговые измерительные приборы – с квантовыми компьютерами.

Харт встретил его в центральном зале, где уже собрались несколько исследователей и участники программы, которых Виктор видел ранее.

– А, Виктор! Рад, что ты решил присоединиться, – Харт улыбнулся. Его движения стали ещё более экономными, чем раньше. Минимальные жесты, никаких лишних движений. Четвёртая стадия протокола явно прогрессировала.

– Я здесь, чтобы увидеть результаты, – сухо ответил Виктор.

– И ты увидишь, – кивнул Харт. – Томас, ты готов?

Томас «Эхо» Миллер стоял у сложной установки, напоминающей гибрид МРТ и нейроинтерфейса. Он кивнул и лёг

на диагностическую платформу.

– Мы проводим сравнительные тесты, – объяснил Харт, активируя систему. – Когнитивные задачи, сенсорное восприятие, эмоциональные реакции. Наблюдай.

На экране появилась сложная последовательность символов – тест на распознавание паттернов, который считался одним из самых сложных.

– Томас потерял около 30% способностей к абстрактному мышлению после первой фазы, – комментировал Харт, наблюдая за показаниями приборов. – Однако в этом конкретном тесте его результаты не только не ухудшились, но даже улучшились.

– Это невозможно, – возразил Виктор. – Абстрактное мышление необходимо для этого типа задач.

– Для обычного человека – да, – согласился Харт. – Но Томас использует другие нейронные пути. Смотри.

На экране появилась трёхмерная модель мозга Томаса с выделенными активными зонами. Виктор наклонился ближе, заинтригованный. Действительно, паттерн активации был необычным – вместо стандартного вовлечения лобных долей, основная активность наблюдалась в височных и теменных областях.

– Он не решает задачу, – медленно проговорил Виктор, анализируя данные. – Он... распознаёт её как визуальный паттерн?

– Именно, – кивнул Харт. – Помнишь его способность за-

поминать и воспроизводить звуки? Тот же механизм работает и для визуальной информации. Он не анализирует – он распознаёт. Быстрее и эффективнее, чем любой из нас.

Томас завершил тест с впечатляющей скоростью. Система зафиксировала результат: 98% точности, время выполнения на 43% ниже среднего.

– Теперь эмоциональная реакция, – Харт переключил режим. – Это особенно интересно.

На экране перед Томасом начали появляться изображения – эмоционально заряженные сцены, от идиллических пейзажей до ужасающих катастроф. Стандартный тест для оценки эмоциональной регуляции.

– Обычный человек демонстрирует выраженную реакцию на такие стимулы, – комментировал Харт. – Особенно на негативные. Активируется миндалевидное тело, выбрасываются гормоны стресса, сужаются сосуды. Классическая реакция "бей или беги".

На мониторе жизненных показателей Томаса Виктор видел поразительную картину: его пульс оставался ровным, давление стабильным, даже при просмотре самых шокирующих изображений.

– Это не нормально, – заметил он. – Такая реакция характерна для психопатов или людей с повреждениями миндалевидного тела.

– Или для тех, чей мозг был целенаправленно модифицирован, – возразил Харт. – Томас не игнорирует опасность.

Он просто реагирует на неё иначе. Более эффективно.

После завершения теста Томас сел и спокойно улыбнулся:

– Всё в порядке, доктор Рамирес. Я видел все изображения. Я понимаю, что они должны вызывать страх или отвращение. Но эти эмоции больше не захватывают меня. Они просто... информируют.

Виктор покачал головой:

– Это звучит как диссоциация, Томас. Классический симптом травмы.

– Или как эволюция, – мягко возразил Харт. – Виктор, подумай об этом. Эмоциональные реакции эволюционировали в совершенно других условиях. Страх был полезен, когда угрозы были редкими и локальными. Но что делать, когда весь мир стал угрозой? Когда каждый вдох содержит токсины, каждая капля воды потенциально загрязнена? Постоянный страх парализует. Мы создаём новую адаптацию.

Прежде чем Виктор успел ответить, дверь лаборатории открылась, и вошла стройная азиатская женщина в военной форме Последнего Университета с отличительными знаками научного подразделения. Доктор Эмили Чен – генетик, специалист по эволюционной биологии, и, как знал Виктор, бывшая аспирантка Харта.

– Извините за опоздание, – сказала она, быстрым взглядом оценивая ситуацию в лаборатории. – О, Виктор, не ожидала тебя здесь видеть.

В её голосе слышалась лёгкая насмешка. Эмили знала о

его скептическом отношении к «Нисходящему коду».

– Я наблюдаю за тестами, – сдержанно ответил Виктор.

– И что ты думаешь? – Эмили подошла ближе, встав чуть ближе, чем требовали профессиональные отношения. Лёгкий аромат её духов – роскошь в нынешнем мире – заставил Виктора вспомнить их недолгий, но интенсивный роман два года назад. До того, как их взгляды на будущее человечества разошлись.

– Думаю, что результаты интересны, но недостаточны для таких радикальных выводов, – ответил он, отступая на шаг.

– Я принесла новые данные, – Эмили обратилась к Харту, игнорируя холодность Виктора. – Мы завершили анализ генетических изменений у второго поколения участников. Результаты... впечатляющие.

Она активировала свой планшет, и в воздухе появилась голограмма сложной генетической последовательности.

– Мы наблюдаем ускоренные эпигенетические изменения, – объяснила она. – Маркеры метилирования ДНК, активность гистонов, экспрессия генов – всё указывает на то, что модификации, вызванные «Нисходящим кодом», наследуются. Дети участников первой волны рождаются с уже изменённым метаболизмом.

Виктор напрягся:

– Наследуются? Вы уверены? Это противоречит всем принципам эволюционной биологии. Ламаркизм давно опровергнут.

– Классический ламаркизм – да, – согласилась Эмили. – Но эпигенетика – это другое. Мы не говорим о наследовании приобретённых признаков в прямом смысле. Мы говорим о направленных изменениях в регуляции генов, которые могут передаваться потомству. Это подтверждённый механизм.

– Для отдельных генов в ограниченных обстоятельствах, – возразил Виктор. – Но не для комплексных нейрофизиологических изменений!

– Мир меняется, Виктор, – Эмили смотрела на него с вызовом. – Наука тоже.

Виктор внимательно изучал представленные данные, пытаясь найти изъяны в методологии. Но Эмили была блестящим генетиком, и её работа выглядела безупречной.

– Даже если это так, – медленно произнёс он, – это не оправдывает масштабное внедрение «Нисходящего кода». Мы говорим о целенаправленном изменении эволюционного пути всего вида. Без полного понимания долгосрочных последствий.

– А какова альтернатива? – спросила Эмили. – Продолжать цепляться за старые формы, пока мир рушится вокруг нас?

Харт наблюдал за их обменом репликами с лёгкой улыбкой, как учитель, наблюдающий за спором способных учеников.

– На самом деле, Виктор, есть альтернатива, – сказал он. – Эмили, почему бы тебе не рассказать о своём проекте?

Эмили выпрямилась, и её лицо осветилось энтузиазмом:

– Проект «Восхождение». Противоположный подход к адаптации. Вместо упрощения – усложнение. Вместо отказа от технологий – их интеграция на генетическом уровне.

– Трансгуманизм? – скептически спросил Виктор. – Эти идеи обсуждались десятилетиями без реальных результатов.

– Теперь результаты есть, – уверенно ответила Эмили и вызвала новую голограмму. – Мы разработали генно-инженерные конструкции, позволяющие интегрировать синтетические компоненты непосредственно в геном. Искусственные хромосомы, способные кодировать не только белки, но и сложные молекулярные машины.

Виктор изучал данные, его скептицизм постепенно сменялся профессиональным интересом:

– Это... впечатляет. Но риски огромны.

– Как и при любом эволюционном скачке, – пожалала плечами Эмили. – Вопрос в том, готовы ли мы их принять.

– Интересно, – вмешался Харт, – что и «Нисходящий код», и «Восхождение» по-своему отказываются от привычного *homo sapiens*. Просто разными путями.

Виктор смотрел то на Харта с его контролируемой деградацией, то на Эмили с её амбициозными планами технологической трансценденции. Оба предлагали радикальные, необратимые изменения. Оба говорили о конце человечества в его нынешней форме.

Прежде чем он успел ответить, система оповещения пода-

ла сигнал. На всех экранах появилось изображение молодой женщины – руководителя службы безопасности.

– Внимание всему персоналу! Зафиксировано нарушение периметра в секторе G. Группа вооружённых лиц проникла на территорию Последнего Университета. Всем оставаться на местах и следовать протоколу локдауна.

Виктор обменялся быстрыми взглядами с Хартом и Эмили. Нападение на Последний Университет? Это было беспрецедентно.

– Лаборатория надёжно защищена, – сказал Харт, активируя протокол безопасности. Тяжёлые ставни опустились на окна, двери заблокировались. – Но я беспокоюсь о других участниках программы. Они могут быть целью.

Эмили уже проверяла данные безопасности на своём планшете:

– Проникновение в секторе G... Это близко к восточному жилому блоку, где размещены недавно прибывшие добровольцы.

Виктор почувствовал, как внутри всё сжалось. Его дочь Лина жила в том же секторе. Она приехала в Последний Университет неделю назад, после того как её школа в Северной зоне была закрыта из-за радиационной угрозы.

– Я должен идти, – он направился к двери.

– Виктор, это небезопасно, – Эмили попыталась остановить его. – Служба безопасности...

– Моя дочь там, – отрезал он, отключая блокировку двери

своим административным кодом.

Томас Миллер, всё ещё находившийся в лаборатории, внезапно поднялся:

– Я иду с вами, доктор Рамирес. Я знаю короткие пути.

– И я, – неожиданно сказала Эмили. – У меня есть доступ к системам безопасности.

Харт наблюдал за ними с тем же спокойствием, что и раньше:

– Идите. Я останусь здесь и буду координировать действия с администрацией. Эмили, держи меня в курсе.

Они быстро двигались по служебным коридорам, избегая основных переходов, где могли встретиться с нарушителями. Томас уверенно вёл их, используя, казалось, звериное чутьё на опасность – он замирал перед каждым поворотом, прислушиваясь к едва уловимым звукам.

– Кто мог атаковать Университет? – тихо спросила Эмили, проверяя данные на своём планшете. – Радикальные эко-группы? Религиозные фанатики?

– Не знаю, – Виктор был сосредоточен только на одном – добраться до Лины.

– Впереди люди, – прошептал Томас, останавливаясь перед перекрёстком коридоров. – Пять... нет, шесть человек. Вооружены.

Виктор хотел спросить, откуда он знает, но Томас опере-

дил его:

– Я слышу их дыхание. И металлические звуки. Оружие.

Они прижались к стене. Эмили активировала камеру безопасности на своём планшете, выводя изображение с ближайшего перекрёстка.

Шесть фигур в чёрной тактической одежде методично двигались по коридору, проверяя каждую дверь. На их плечах виднелся символ – стилизованная спираль ДНК, восходящая к звезде.

– «Чистый путь», – тихо произнесла Эмили. – Радикальные эволюционисты. Они считают любые генетические модификации осквернением человеческого генома.

– Ирония в том, что они сами используют генетические улучшения, – добавил Томас. – Я чувствую запах их феромонных маркеров. Модифицированная эндокринная система.

– Они против «Нисходящего кода», – пробормотал Виктор. – Вот почему они здесь.

Они дождались, пока группа скроется за поворотом, и продолжили путь, теперь ещё более осторожно.

Восточный жилой блок был уже близко, когда они услышали звуки борьбы и крики. Томас замер, прислушиваясь:

– Там идёт бой. Служба безопасности и... нападающие.

Они свернули за угол и увидели хаотичную сцену: несколько охранников Университета сражались с боевиками «Чистого пути». В воздухе висело плотное облако какого-то

газа – нелетальное оружие службы безопасности.

– Лина! – Виктор увидел свою дочь среди группы молодых людей, которых охрана пыталась эвакуировать. Шестнадцатилетняя девушка с тёмными волосами и упрямым выражением лица – такая похожая на него самого.

Лина обернулась, услышав его голос. В этот момент один из нападающих прорвался через линию охраны и бросился к группе молодёжи с каким-то устройством в руке.

– Нет! – Виктор рванулся вперёд, но было слишком поздно.

Томас оказался быстрее. С нечеловеческой реакцией он метнулся наперерез нападающему, сбив его с ног мощным ударом. Устройство выпало из рук боевика и покатилося по полу.

– Биологическое оружие! – крикнул Томас, удерживая нападающего. – Селективный вирусный вектор!

Эмили мгновенно оценила ситуацию и активировала защитный протокол на своём планшете. Из вентиляционных отверстий хлынул нейтрализующий аэрозоль, окутывая помещение голубоватой дымкой.

Виктор добрался до Лины и крепко обнял её:

– Ты в порядке?

– Да, папа, – она казалась удивительно спокойной для человека в эпицентре нападения. – Они пытались добраться до нас. Говорили, что мы предатели человечества.

Виктор внимательно посмотрел на дочь. Что-то в её реак-

ции было не так. Слишком спокойно. Слишком... контролируется.

Тем временем охрана Университета взяла ситуацию под контроль. Нападавшие были нейтрализованы, раненым оказывали помощь.

– Теперь понятно, почему именно этот сектор, – сказала Эмили, подходя к ним. – Здесь проживают новые добровольцы программы. «Чистый путь» хотел уничтожить их как символ генетического отступничества.

Виктор не отпускал дочь, пытаясь успокоить дрожь в руках – не от страха за себя, а от ужаса осознания того, насколько близко она была к опасности.

– Почему ты здесь, Лина? В этом блоке?

Девушка отстранилась и посмотрела ему в глаза:

– Потому что я записалась в программу, папа. Я прошла первичное сканирование вчера. Первый надрез назначен на следующую неделю.

Мир словно остановился. Виктор смотрел на дочь, не веря своим ушам:

– Что? Без моего разрешения? Ты несовершеннолетняя!

– Я приняла решение, – твёрдо ответила Лина. – После того, что случилось с мамой... Я не хочу жить в постоянном страхе. Не хочу каждый день просыпаться с мыслью о том, какие новые токсины попадут в моё тело. Я хочу адаптироваться.

– Это необратимо, Лина! – Виктор схватил её за плечи. –

Ты не понимаешь, что это значит!

– Понимаю, папа, – её голос был спокойным, решительным. – Я изучила все материалы. Я видела результаты. И я сделала выбор.

Виктор почувствовал, как земля уходит из-под ног. Его собственная дочь сделала выбор, который он считал величайшей ошибкой человечества. Его дочь добровольно согласилась на трансформацию, которая сделает её кем-то... иным. Не человеком в том смысле, как он понимал это слово.

Томас подошёл к ним, всё ещё держа нейтрализованного нападающего:

– Служба безопасности объявила полную зачистку. Нам нужно уходить отсюда.

– Идём в мою лабораторию, – предложила Эмили. – Там безопасно.

Виктор механически кивнул, всё ещё не отпуская Лину:

– Мы поговорим об этом позже, – тихо сказал он дочери. – Ничего не решено.

Лина только улыбнулась – спокойно, с лёгкой грустью, как улыбаются взрослые, когда ребёнок не может принять очевидное:

– Уже решено, папа. Мир меняется. И мы должны меняться вместе с ним.

В её словах, в интонации Виктор с ужасом узнал тот же тон, с которым говорил Харт о «Нисходящем коде». Спокойное, безмятежное принятие неизбежного. Его дочь уже нача-

ла меняться, даже без физического вмешательства в её мозг.

Они двинулись по коридору, сопровождаемые охраной. Виктор чувствовал, как внутри нарастает странное, отчаянное чувство – словно он теряет не только мир, в который верил, но и самого близкого человека. И не может ничего с этим поделать.

Глава 3: Потеря сложности

Мария Рамирес-Сильва, урождённая Мария Антуанетта Сильва, выпускница Гарвардской медицинской школы, ведущий нейрофармаколог своего поколения, и, что гораздо важнее, жена Виктора Рамиреса, умирала. Медленно, неотвратно, как умирал мир вокруг них.

Виктор сидел у её постели, держа безжизненную руку. Мониторы фиксировали слабеющие жизненные показатели, но он не смотрел на них. Он смотрел на её лицо – всё ещё прекрасное, несмотря на болезнь, истончившее кожу, заострившее скулы. Синдром нейродегенеративной гиперсенситивности – так называли эту болезнь. Одно из новых заболеваний эпохи коллапса. Токсины окружающей среды накапливались в нервной ткани, постепенно разрушая нейронные связи. Сначала моторные нарушения, затем когнитивный спад, и наконец – тотальный отказ вегетативной нервной системы.

Лекарства не существовало. Только паллиативный уход и нейропротекторы, отодвигающие неизбежное на недели, в лучшем случае – месяцы.

– Мистер Рамирес, – медицинский ИИ деликатно подал голос из динамика, – доктор Лим хотел бы поговорить с вами.

Виктор кивнул, не отпуская руки жены. Главный нейрохирург медицинского центра Последнего Университета вошёл

в палату – высокий, худой мужчина с бесстрастным лицом.

– Доктор Рамирес, – начал Лим без предисловий, – мы провели повторное сканирование. Распространение деструктивных процессов ускорилось. Прогноз...

– Я знаю прогноз, – прервал Виктор. – Я сам просчитал модель.

Лим понимающе кивнул:

– Есть экспериментальная процедура. Не излечение, но...

– Неуробласт с последующим введением стволовых клеток и редифференцировкой? – Виктор поднял глаза. – С вероятностью успеха менее 7% и побочными эффектами, включая полную потерю личности?

– Да, – подтвердил Лим. – Вижу, вы уже рассматривали эту опцию.

– И отверг её, – Виктор снова перевёл взгляд на жену. – Мария никогда не согласилась бы стать... другим человеком. Даже ради выживания.

Лим молча стоял несколько секунд, затем произнёс:

– Есть ещё одна возможность. Не лечение, но... сохранение. Доктор Харт разработал протокол...

– Нет, – резко ответил Виктор. – Никаких экспериментов «Нисходящего кода» на моей жене.

– Это не совсем «Нисходящий код», – осторожно возразил Лим. – Скорее, модифицированная версия. Вместо упрощения – консервация. Нейронная активность будет минимизирована, метаболизм замедлен. Пока мы не найдём решение.

Виктор горько усмехнулся:

– Криогенная заморозка в нейронной сети? Иллюзия бессмертия?

– Возможность, – пожал плечами Лим. – Когда нет других.

– Спасибо, доктор, – Виктор покачал головой. – Но мы обсуждали это с Марией, пока она могла принимать решения. Она отказалась от экспериментальных протоколов. Она... принимает конец.

Лим кивнул и тихо вышел из палаты. Виктор остался один с женой и тихим писком мониторов.

– Я не готов принять конец, – прошептал он, зная, что Мария уже не услышит. – Я никогда не буду готов.

Три дня спустя Мария Рамирес-Сильва умерла. Тихо, почти незаметно – просто перестала дышать во сне. Виктор был рядом, держал её руку. В последний момент ему показалось, что она улыбнулась – лёгкая, едва заметная улыбка, словно она наконец освободилась от боли.

Похороны были скромными. В эпоху коллапса траур стал обыденностью, ритуалы упростились. Пришли коллеги из Университета, несколько друзей, сохранившихся с прежних времён. Лина стояла рядом с отцом, сухими глазами глядя на биоразлагаемую капсулу, в которую поместили тело. Новая традиция – тела возвращали земле максимально экологично, без химикатов и излишеств.

После церемонии Лина обняла его и тихо сказала:

– Она больше не страдает, папа. Это главное.

Виктор не ответил. Дочь была права, но это не приносило утешения. Как учёный он понимал: смерть – просто прекращение нейронной активности, конец сознания, отсутствие боли. Но как человек... как человек он чувствовал лишь пустоту там, где раньше была Мария.

– Доктор Рамирес, – к нему подошла Эмили Чен. Сегодня она была не в военной форме, а в строгом чёрном платье. – Примите мои соболезнования. Доктор Сильва была блестящим учёным и прекрасным человеком.

– Спасибо, Эмили, – кивнул Виктор.

– Если вы не против, я хотела бы поговорить с вами. Не сейчас, конечно. Когда вы будете готовы.

Виктор взглянул на неё. В глазах Эмили читалось что-то большее, чем простое сочувствие.

– О чём?

– О возможности, – тихо ответила она. – О том, что смерть может быть не концом. Даже для Марии.

Виктор напрягся:

– Что вы имеете в виду?

– Не здесь, – Эмили покачала головой. – Приходите в мою лабораторию, когда почувствуете, что готовы услышать. Это... не то, о чём можно говорить публично.

Она ушла, оставив Виктора с тяжёлым чувством тревоги. Что она имела в виду? Какие эксперименты проводила в сво-

ей лаборатории, о которых нельзя говорить открыто?

Лина тронула его за руку:

– Папа, нам пора. Начинается дождь.

Виктор посмотрел на небо – тяжёлые свинцовые облака, характерные для последних лет. Кислотные дожди стали нормой, как и аномальная жара, внезапные похолодания, атмосферные возмущения. Природа словно пыталась стряхнуть с себя паразита, отравившего её.

– Да, пойдём, – он обнял дочь за плечи, и они направились к жилому комплексу.

Три дня Виктор не выходил из своей квартиры. Не отвечал на вызовы, не проверял сообщения. Сидел, глядя в окно на пейзаж Альп, некогда величественный, теперь искажённый защитными куполами и климатическими стабилизаторами. Пил крепкий кофе – последняя доступная роскошь. И думал.

О Марии. О её болезни. О мире, который сделал эту болезнь возможной. О "Нисходящем коде" Харта, который мог бы предотвратить её страдания, если бы она согласилась. О загадочных словах Эмили. О Лине, решившей пойти путём упрощения.

На четвёртый день он встал, принял душ, побрился, надел чистую одежду. Отправил сообщение дочери, что с ним всё в порядке. И пошёл в лабораторию Эмили Чен.

Лаборатория генетической инженерии располагалась в западном крыле научного комплекса. В отличие от хаотичного натурализма Харта, здесь царила идеальная стерильность – хромированные поверхности, герметичные боксы, роботизированные системы. Сама Эмили встретила его у входа:

– Виктор, рада тебя видеть. Проходи.

Он молча прошёл за ней через несколько уровней биологической защиты. Финальный уровень требовал не только идентификации личности, но и генетического подтверждения.

– Что за исследования ты проводишь, Эмили? – спросил он, наблюдая, как игла автоматически берёт образец его крови для анализа. – Уровень защиты как для работы с боевыми вирусами.

– Не с вирусами, – ответила она. – С чем-то гораздо более сложным.

Внутренняя лаборатория поражала масштабом. В центре располагалось несколько камер, напоминающих криогенные капсулы, но гораздо сложнее. Вокруг них кипела работа – десятки учёных, роботизированные системы, голографические проекции генетических последовательностей.

– Добро пожаловать в сердце проекта «Восхождение», – Эмили сделала широкий жест. – Наш ответ «Нисходящему коду» Харта.

Виктор медленно обошёл помещение, изучая оборудование:

– Трансгенез высокого уровня... Искусственные хромосомы... Квантовые биопроцессоры? – он повернулся к Эмили. – Что вы создаёте?

– Будущее, – просто ответила она. – Но не через примитивизацию, как Харт. Через возвышение.

Она подвела его к одной из капсул. Внутри находился человек – мужчина средних лет, погружённый в прозрачную жидкость. Многочисленные разъёмы соединяли его тело с внешними системами.

– Это Алекс Новак, – представила Эмили. – Один из наших первых добровольцев. Бывший пилот, потерявший семью во время Великого голода. Он согласился на полный протокол трансформации.

– Трансформации во что? – тихо спросил Виктор.

– В следующую ступень эволюции, – в голосе Эмили звучал неприкрытый энтузиазм. – Мы интегрируем в его геном синтетические хромосомы, способные кодировать не просто белки, а целые наноконплексы. Его клетки смогут синтезировать компоненты, ранее доступные только искусственным системам. Квантовые рецепторы. Молекулярные вычислительные кластеры. Синтетические органеллы.

– Вы превращаете его в машину, – возразил Виктор.

– Нет, – Эмили покачала головой. – Мы превращаем его в нечто большее, чем человек. Способное выжить в новом мире не через отказ от сложности, а через её усиление.

Она повела его дальше, показывая другие капсулы, дру-

гих добровольцев на разных стадиях «Восхождения». Виктор видел удивительные трансформации – кожа с интегрированными фотосинтетическими клетками, нервная система с дополнительными узлами обработки информации, мышечная ткань с углеродными нановолокнами.

– Все эти модификации дают нашим субъектам невероятные способности, – продолжала Эмили. – Устойчивость к радиации и токсинам. Способность синтезировать питательные вещества из минимальных ресурсов. Регенерация повреждённых тканей. Расширенные когнитивные возможности.

– Какой ценой? – спросил Виктор. – Что вы забираете у них в обмен?

– Ничего, – Эмили улыбнулась. – В этом главное отличие от «Нисходящего кода». Мы не отнимаем, а добавляем. Не упрощаем, а усложняем. Не отступаем, а идём вперёд.

Она подвела его к отдельной лаборатории, отгороженной от основного помещения. Здесь стояли миниатюрные инкубаторы, в которых росли какие-то ткани.

– Это и есть то, о чём ты хотела поговорить? – Виктор осмотрел оборудование. – При чём здесь Мария?

Эмили положила руку ему на плечо:

– Виктор, мы сохраняем образцы тканей всех сотрудников Университета. Стандартный протокол на случай необходимости лечения или генетических исследований. У нас есть образцы Марии – её кожа, кровь... и нейроны.

Виктор замер:

– И что?

– И то, что в этих клетках содержится вся генетическая информация Марии. Её ДНК. Её... сущность.

– Клонирование? – Виктор отступил на шаг. – Ты предлагаешь мне клонировать мою жену?

– Не просто клонировать, – Эмили покачала головой. – Это было бы просто создание генетической копии без воспоминаний, без личности. Я предлагаю нечто большее.

Она активировала голографический экран, показывая сложную схему:

– Мы разработали метод извлечения и оцифровки нейронных паттернов из образцов мозговой ткани. Это не полное сознание, но... основа личности. Базовая структура. И мы можем интегрировать эти паттерны в мозг клона через синтетические нейроны.

– Это безумие, – прошептал Виктор. – Даже если технически возможно, это будет не Мария. Это будет... имитация.

– Не имитация, – мягко возразила Эмили. – Новое воплощение. С теми же генетическими предрасположенностями, с той же базовой структурой личности. И с усовершенствованиями, которые сделают её неуязвимой для болезни, убившей её.

Виктор смотрел на голограмму, где схематично отображался процесс. Технически это выглядело возможным. Этически... это было чудовищно.

– Зачем ты мне это показываешь, Эмили? Зачем предлагаешь нарушить все законы природы и морали?

– Потому что ты нужен нам, Виктор, – она посмотрела ему прямо в глаза. – Твой интеллект. Твои исследования в области нейропластичности. Твоё понимание человеческого сознания. Проект «Восхождение» нуждается в тебе. И я подумала, что возможность вернуть Марию может стать... стимулом.

Виктор почувствовал, как внутри нарастает гнев:

– Ты используешь мою боль, чтобы завербовать меня? Предлагаешь мне искусственную копию моей жены в обмен на сотрудничество?

– Я предлагаю тебе надежду, – твёрдо сказала Эмили. – И цель. Выбор, который Харт никогда не сможет предложить со своим «Нисходящим кодом». Он говорит об отказе от человечности ради выживания. Я говорю о трансценденции человечности ради процветания.

Она сделала паузу, затем добавила тише:

– И да, я предлагаю тебе шанс увидеть Марию снова. Не идентичную, но... похожую. Улучшенную версию, свободную от слабостей, которые её убили.

Виктор молчал, пытаясь справиться с бурей эмоций. Искушение было огромным – увидеть Марию снова, услышать её голос, почувствовать её присутствие... Но разум учёного кричал, что это будет не она. Это будет конструктор, созданный из её генетического материала и фрагментов нейронных

паттернов. Призрак, облачённый в плоть.

– Мне нужно подумать, – наконец произнёс он.

– Конечно, – кивнула Эмили. – У тебя есть время. Но не бесконечное. Проект движется вперёд. И... Харт тоже не стоит на месте со своим «Нисходящим кодом». Скоро придётся выбирать сторону, Виктор.

Вечером того же дня Виктор сидел в своей квартире, глядя на голографическую проекцию Марии – последнюю запись, сделанную до начала болезни. Она улыбалась, рассказывала о новых исследованиях, строила планы на будущее. Будущее, которого уже не будет.

Предложение Эмили не выходило из головы. С научной точки зрения это был фантастический проект – на грани возможного, но не за её пределами. Создать новое тело с генетическим кодом Марии, интегрировать в него синтетические компоненты, защищающие от токсинов окружающей среды, и затем... попытаться воссоздать её сознание на основе сохранённых нейронных паттернов.

Это была бы не Мария. Но что-то очень близкое к ней. Возможно, достаточно близкое, чтобы заполнить пустоту в его душе.

Зазвонил коммуникатор. На экране появилось сообщение от Лины: «Папа, можно я приду? Мне нужно поговорить с тобой. Важно».

Виктор ответил согласием, и через пятнадцать минут дочь была у него. Она выглядела взволнованной, но решительной.

– Что случилось, Лина? – спросил он, обнимая её.

– Я отменила процедуру, – сказала она, глядя ему в глаза. – «Нисходящий код». Я решила пока не делать этого.

Виктор почувствовал, как его затопляет облегчение:

– Лина, это... я рад. Очень рад.

– Я сделала это для тебя, – тихо добавила она. – После смерти мамы... я поняла, что не могу причинить тебе ещё одну боль. Потерять меня, пусть даже не физически, но... как личность.

Виктор крепко обнял дочь:

– Спасибо. Я не мог просить тебя об этом, но... спасибо.

Они сидели в тишине некоторое время, затем Лина спросила:

– Что ты будешь делать теперь, папа? Без мамы...

Виктор вздохнул:

– Жить дальше. Работать. Пытаться найти решения.

– Какие решения? – Лина внимательно посмотрела на него. – Мама умерла от болезни, вызванной экологическим коллапсом. Ты не можешь исправить планету в одиночку.

– Нет, – согласился он. – Но я могу искать способы адаптации. Способы, которые не требуют отказа от того, что делает нас людьми.

Лина помолчала, затем тихо произнесла:

– А что если доктор Харт прав, папа? Что если наша слож-

ность – это не преимущество, а бремя? Что если для выживания нам действительно нужно стать... проще?

– Тогда мы перестанем быть собой, – твёрдо ответил Виктор. – Мы станем другим видом. Видом, который не будет знать ни Баха, ни Эйнштейна, ни... любви, какой мы её понимаем.

– Но который выживет, – возразила Лина. – Разве выживание не главное?

Виктор покачал головой:

– Не любой ценой. И не через отказ от всего, что мы создали. Должен быть другой путь.

– Какой? – Лина выглядела скептической. – Проект «Восхождение» доктора Чен? Превращение людей в киборгов?

Виктор удивлённо посмотрел на дочь:

– Ты знаешь о проекте Эмили?

– Все знают, папа, – Лина пожала плечами. – Это не такой уж секрет. «Нисходящий код» против «Восхождения». Упрощение против усложнения. Два пути эволюции.

– И что ты думаешь? – осторожно спросил Виктор.

Лина задумалась:

– Я думаю, что «Восхождение» – это гордыня. Человек пытается стать больше, чем человек, используя технологии, которые сам не до конца понимает. А «Нисходящий код»... это смирение. Принятие того, что наше время прошло, и пора уступить место новой форме жизни. Пусть более простой, но лучше приспособленной.

Виктор был поражён зрелостью её рассуждений. В шестнадцать лет Лина мыслила яснее многих взрослых.

– Ты отложила процедуру, но не изменила своего мнения о «Нисходящем коде», – медленно произнёс он. – Ты всё ещё считаешь его правильным путём.

– Да, – призналась Лина. – Я верю, что это лучший способ адаптации. Но я не готова причинить тебе боль, потеряв маму и... изменившись сама. Пока не готова.

Виктор почувствовал, как сжимается сердце. Его дочь жертвовала своими убеждениями ради его эмоционального благополучия. Это было и трогательно, и мучительно.

– Лина, – тихо сказал он, – я не хочу, чтобы ты принимала такие решения из-за меня. Если ты действительно веришь, что «Нисходящий код» – это путь, которым должно идти человечество... я не буду стоять на твоём пути.

Лина удивлённо посмотрела на него:

– Ты даёшь мне своё благословение на процедуру?

– Нет, – Виктор покачал головой. – Я даю тебе право на собственный выбор. Даже если он причинит мне боль. Даже если он изменит тебя так, что я не узнаю свою дочь.

Лина обняла его, уткнувшись лицом в плечо:

– Спасибо, папа. Но я подожду. Мы оба пережили слишком много за последнее время. Нам нужно... побыть вместе. Такими, какие мы есть сейчас.

Виктор гладил её по волосам, чувствуя странное смешение боли и гордости. Его дочь выросла. Стала мудрой не по

годам. В мире, который рушился, она находила силы делать осознанный выбор и заботиться о близких.

– Я люблю тебя, Лина, – тихо сказал он. – Какой бы путь ты ни выбрала.

– Я знаю, папа, – ответила она. – Я тоже тебя люблю.

Неделю спустя Виктор вернулся к работе. Его лаборатория встретила его стерильной тишиной и мигающими огоньками ожидающего оборудования. Ассистенты были предупреждены о его возвращении, но он попросил не беспокоить его в первый день.

Он запустил систему, проверил сообщения, просмотрел последние исследовательские данные. Жизнь продолжалась. Мир продолжал умирать. Научное сообщество продолжало искать решения.

Среди сообщений было одно от Акселя Харта – приглашение на презентацию результатов второй фазы «Нисходящего кода». И одно от Эмили Чен – напоминание о её предложении.

Два пути. Упрощение или усложнение. Шаг назад или отчаянный прыжок вперёд. Оба необратимые. Оба трансформирующие саму сущность человека.

Виктор открыл личный исследовательский файл. Там был проект, над которым он работал последние годы – до того, как болезнь Марии поглотила всё его внимание. Альтер-

нативный подход к адаптации: не через изменение мозга, а через создание симбиотических отношений с искусственным интеллектом. Человек оставался человеком, но получал доступ к расширенным когнитивным способностям через внешний интерфейс. Проект, который не нашёл поддержки из-за технологических ограничений и ресурсного дефицита.

Может быть, сейчас было время вернуться к нему? Найти третий путь, между радикальным упрощением Харта и трансгуманистическими фантазиями Эмили?

Он погрузился в работу, не замечая времени. Когда в дверь постучали, за окном уже стемнело. На пороге стоял Томас «Эхо» Миллер – участник программы «Нисходящий код», которого он встретил во время нападения на Университет.

– Доктор Рамирес, – Томас кивнул. – Извините за вторжение. Меня прислал доктор Харт. У него есть информация, которая может вас заинтересовать.

– Какая информация? – нахмурился Виктор.

– О вашей дочери, – ответил Томас. – Она записалась на процедуру первой фазы. Сегодня.

Виктор почувствовал, как сердце пропускает удар:

– Что? Но она сказала, что отложила...

– Она изменила решение, – пожал плечами Томас. – Процедура назначена на завтра утром.

– Где она сейчас?

– В медицинском центре, проходит предварительную под-

готовку.

Виктор схватил куртку:

– Идём. Я должен поговорить с ней.

Они быстро шли по тёмным коридорам Университета. Томас двигался с необычной грацией – эффективно, экономно, почти хищно.

– Почему она изменила решение? – спросил Виктор. – Мы говорили об этом. Она сказала, что подождёт.

– Не знаю, – ответил Томас. – Но многие меняют мнение, когда видят результаты. Я встретился с вашей дочерью три дня назад. Показал, как изменилось моё восприятие после первой фазы. Возможно, это повлияло.

Виктор ускорил шаг, чувствуя, как нарастает тревога. Решение должно быть осознанным, не под влиянием минутного впечатления. Лина была несовершеннолетней. Она не могла полностью понимать необратимость этого шага.

Медицинский центр был освещён мягким светом. У входа в отделение нейромодификации Виктора остановил охранник:

– Простите, доктор Рамирес, но вход только для персонала и участников программы.

– Моя дочь там, – Виктор пытался сохранять спокойствие. – Лина Рамирес. Я хочу поговорить с ней.

– Мне нужно уточнить, – охранник связался с внутренним постом. После короткого разговора он кивнул: – Проходите. Палата С-17.

Виктор быстро пошёл по коридору, Томас следовал за ним. В палате С-17 Лина сидела на кровати, читая что-то на планшете. Увидев отца, она отложила устройство.

– Папа, – в её голосе слышалось удивление. – Почему ты здесь?

– Почему я здесь? – Виктор с трудом сдерживался. – Ты записалась на процедуру, не сказав мне ни слова. После того, как обещала подождать.

Лина вздохнула:

– Я собиралась сказать тебе сегодня вечером. Но ты был так поглощён работой... И я подумала, что лучше поставить тебя перед фактом. Чтобы не было долгих споров.

– Лина, это не покупка новой одежды! – Виктор повысил голос. – Это необратимое изменение твоего мозга. Твоей личности. Твоей сущности.

– Я знаю, папа, – она была удивительно спокойна. – Я всё обдумала. Изучила материалы. Поговорила с Томасом и другими участниками. Это правильный выбор.

– Правильный для кого? – Виктор сел рядом с ней. – Лина, тебе шестнадцать. Ты не можешь представить, что значит отказаться от части своего сознания.

– Как и ты не можешь представить, что значит получить новый способ восприятия, – мягко возразила она. – Папа, мир меняется. Меняется быстрее, чем мы успеваем адаптироваться естественным путём. «Нисходящий код» – это не потеря. Это трансформация.

Виктор посмотрел на дочь, пытаясь найти в её глазах прежнюю Лину – впечатлительную, иногда импульсивную, но всегда чуткую девочку. Вместо этого он видел странное, не по годам зрелое спокойствие. Словно она уже начала меняться, даже без физического вмешательства.

– Это Харт повлиял на тебя? – тихо спросил он. – Или Томас?

– Никто не повлиял, папа, – Лина покачала головой. – Я сделала собственный выбор. После смерти мамы... Я не хочу жить в постоянном страхе. Не хочу просыпаться каждое утро, гадая, какие новые токсины попали в мой организм. Я хочу адаптироваться. Быть частью будущего, а не прошлого.

Она говорила словами Харта. Теми же фразами, с той же убеждённой уверенностью. Виктор чувствовал, как внутри нарастает паника. Он терял дочь – не из-за смерти, а из-за её собственного выбора. Выбора стать кем-то другим.

– Лина, прошу тебя. Отложи решение хотя бы на месяц, – он взял её за руки. – Дай мне время показать тебе другие возможности. Мои исследования, проект Эмили... Есть альтернативы.

Лина долго смотрела на него, затем кивнула:

– Хорошо, папа. Один месяц. Но после этого я хочу, чтобы ты уважал моё решение. Каким бы оно ни было.

Виктор обнял её, чувствуя небывалое облегчение:

– Спасибо. Я обещаю, что покажу тебе все возможные пути. И буду уважать твой выбор.

Когда они вышли из медицинского центра, Томас спокойно сказал:

– Вы боитесь не за неё, доктор Рамирес. Вы боитесь за себя. Боитесь потерять ещё одну связь с прошлым.

Виктор резко остановился:

– Что ты знаешь о моих страхах?

– Я знаю, что страх – это роскошь, которую человечество больше не может себе позволить, – ответил Томас. – Путь Харта или путь Чен – неважно. Важно, что статус-кво невозможен. Человечество должно измениться или исчезнуть. Ваша дочь понимает это.

Он смотрел на Виктора без осуждения, просто констатируя факт:

– Вы тоже поймёте. Рано или поздно.

Поздно вечером Виктор сидел в своей лаборатории, анализируя данные по нейропластичности. Его альтернативный проект требовал глубокого понимания того, как мозг адаптируется к внешним интерфейсам. Работа поглощала, позволяя не думать о Лине, её решении и предстоящем выборе.

Дверь открылась, и вошёл Аксель Харт. Его движения стали ещё более экономными – четвёртая стадия «Нисходящего кода» прогрессировала.

– Не спится, Виктор? – спросил он без предисловий.

– Работаю, – коротко ответил Виктор, не отрываясь от

экрана.

Харт подошёл ближе, глядя на данные:

– Нейроинтерфейсы? Интересно. Ты ищешь третий путь.

– Возможно.

Харт присел на край стола:

– Я рад, что Лина согласилась подождать с процедурой.

Решение должно быть осознанным.

Виктор удивлённо посмотрел на него:

– Ты не пытаешься убедить меня, что она должна пройти процедуру немедленно? Что каждый день промедления – это риск?

– Нет, – Харт покачал головой. – «Нисходящий код» – это выбор, Виктор. Свободный выбор. Принуждение противоречит самой его сути. Мы отказываемся от избыточной сложности добровольно, осознанно.

– Ты говоришь так, будто это религия, а не наука.

– Любая достаточно продвинутая наука неотличима от религии для тех, кто не понимает её принципов, – Харт слабо улыбнулся. – Артур Кларк, помнишь?

Виктор отвернулся к экрану:

– Что тебе нужно, Аксель? Я занят.

– Я пришёл предложить тебе увидеть результаты второй фазы, – спокойно ответил Харт. – Настоящие результаты, не данные на экране. Поселение в Нижних зонах, где живут участники, прошедшие вторую и третью стадии.

Виктор колебался. С одной стороны, ему нужны были эти

данные, чтобы показать Лине полную картину. С другой – он не хотел давать Харту повод думать, что начинает склоняться к его идеям.

– Зачем тебе это? – спросил он прямо. – Зачем убеждать меня?

– Потому что ты нужен программе, Виктор, – честно ответил Харт. – Твои знания в области нейропластичности бесценны. И потому что я уважаю тебя как учёного и как человека. Я хочу, чтобы ты принял решение, основываясь на полной информации, а не на предубеждениях.

– А если я увижу и всё равно откажусь?

– Тогда я приму это, – просто сказал Харт. – Как принял решение Лины подождать. Выбор, Виктор. Всегда выбор.

Виктор задумался. Посещение поселения в Нижних зонах было рискованным – территории с высоким уровнем загрязнения, небезопасные для обычных людей. Но это был шанс увидеть, как живут участники программы на более продвинутых стадиях. Понять, что может ждать Лину, если она выберет этот путь.

– Когда? – спросил он наконец.

– Завтра, если ты готов, – ответил Харт. – Транспорт будет подготовлен к утру.

– Я поеду, – кивнул Виктор. – Но не один. Я хочу взять Лину. Пусть она тоже видит, к чему приведёт её выбор.

Харт задумался на мгновение, затем согласился:

– Хорошо. Но вам потребуются защитные костюмы и

предварительная антитоксичная терапия. Нижние зоны – не место для прогулок неадаптированных людей.

Когда Харт ушёл, Виктор вернулся к своей работе, но не мог сосредоточиться. Завтра он увидит будущее – возможное будущее человечества по версии «Нисходящего кода». Будущее, где люди становятся проще, примитивнее, но лучше адаптированными к умирающей планете.

Он должен был увидеть это своими глазами. Понять. И затем решить, может ли он позволить своей дочери стать частью этого будущего. И есть ли у человечества другой путь.

Глава 4: Адаптация

Вертолёт пересёк границу защитного периметра, и мир мгновенно изменился. За прозрачными окнами защищённый, упорядоченный ландшафт Последнего Университета сменился хаотичным, искажённым пейзажем Нижних зон. Обнажённые скалы, покрытые странными наростами биологического происхождения. Озёра ядовитых оттенков – от неоновозелёного до пурпурного. Растительность, мутировавшая до неузнаваемости, – деревья с металлическим отливом, мясистые папоротники, грибные колонии размером с небольшие здания.

Виктор и Лина сидели в защитных костюмах, наблюдая за этим трансформированным миром. Защитные системы транспорта непрерывно мониторили внешнюю среду, выводя на экран данные о радиационном фоне, токсических соединениях в воздухе, патогенных микроорганизмах. Все показатели были в красной зоне.

– Впечатляет, правда? – Аксель Харт, сидевший напротив них, не носил полноценного защитного костюма – только лёгкий респиратор и очки. Его модифицированный организм на четвёртой стадии «Нисходящего кода» легко справлялся с условиями, смертельными для обычного человека. – Природа не умирает, как многие думают. Она трансформируется. Адаптируется. Создаёт новые формы жизни.

– Формы, смертельные для человека, – заметил Виктор,

изучая данные мониторинга. – Концентрация тяжёлых металлов в воздухе превышает допустимую норму в сорок три раза. Радиационный фон – в девятнадцать раз. Как кто-то может здесь жить?

– Изменившись, – просто ответил Харт. – Так же, как изменились эти растения, эти микроорганизмы. Через направленную адаптацию.

Лина прильнула к окну, наблюдая за проплывающим внизу пейзажем:

– Это красиво. По-своему.

Виктор посмотрел на дочь. Он ожидал увидеть страх или отвращение, но её лицо выражало искренний интерес. Научное любопытство – черта, которую она унаследовала от обоих родителей.

– Мы приближаемся к Нижнему Поселению-3, – объявил пилот. – Снижаемся.

Вертолёт начал плавный спуск к группе строений, расположенных на берегу ярко-бирюзового озера. Поселение выглядело странно – не примитивно, но иначе, чем привычные человеческие поселения. Здания были низкими, частично вкопанными в землю, с обтекаемыми формами. Материалы – комбинация биоинженерных композитов и местных ресурсов. Никакой симметрии, никакой очевидной систематизации – словно органический нарост, выросший естественным образом.

– Они строят интуитивно, – объяснил Харт, заметив удив-

ление на лице Виктора. – Без предварительных чертежей и планов. Используют материалы, которые находят, и адаптируют конструкции к местным условиям. Результат более эффективен, чем традиционная архитектура.

Вертолёт приземлился на площадке у края поселения. Их встречали трое – мужчина и две женщины, одетые в простую функциональную одежду без защитных элементов. Их внешность была... необычной. Не уродливой, но явно отличающейся от стандартной человеческой. Кожа с лёгким металлическим оттенком. Глаза увеличены, с расширенными зрачками, приспособленными к условиям пониженной освещённости. Движения плавные, экономные, с минимальной затратой энергии.

– Добро пожаловать в Нижнее Поселение-3, – произнёс мужчина, когда они вышли из вертолёта. Его голос был странно модулирован – словно он использовал не только голосовые связки, но и какие-то дополнительные резонаторы в теле. – Я Джошуа. Координатор.

– Виктор Рамирес, – представился Виктор. – Моя дочь Лина. Мы благодарны за приглашение.

– Мы рады показать, – кивнула одна из женщин. – Идёмте. Центр адаптации подготовлен для ваших костюмов.

Они прошли в ближайшее здание – низкую конструкцию с плавными линиями, напоминающую гигантский кокон. Внутри было сумрачно и прохладно. Стены словно пульсировали – Виктор понял, что они частично состоят из живой

биомассы, регулирующей микроклимат.

– Здесь вы можете снять костюмы, – сказал Джошуа. – Воздух фильтруется. Нейтрализаторы активны.

Харт уже снял респиратор и очки:

– Вы получили предварительную антитоксичную терапию. В центре адаптации безопасно. Но я рекомендую не находиться без костюмов более двух часов.

Виктор колебался. Снять защиту в Нижних зонах казалось безумием. Но данные мониторинга в центре адаптации показывали приемлемый уровень загрязнения. Он осторожно снял шлем. Воздух был... странным. Не загрязнённым, но иным – с лёгким металлическим привкусом и ароматом, напоминающим озон после грозы.

Лина последовала его примеру, глубоко вдохнула и улыбнулась:

– Необычно. Но не неприятно.

Джошуа жестом пригласил их следовать за ним:

– Мы покажем поселение. Как мы живём. Как адаптируемся. Вопросы приветствуются.

Они вышли из центра адаптации в главную часть поселения. Виктор был поражён организованным хаосом, который его окружал. Жители – около двухсот человек, по оценке Харта – занимались различными делами. Некоторые работали с местной растительностью, выращивая и модифицируя её. Другие обрабатывали странные материалы, добытые из окружающей среды. Третьи занимались чем-то, что можно

было описать только как примитивные научные исследования, но с использованием органических инструментов вместо привычной лабораторной техники.

– Какие стадии «Нисходящего кода» представлены здесь? – спросил Виктор у Харта.

– В основном вторая и третья, – ответил тот. – Несколько человек на четвёртой, включая меня. Первая стадия используется только как переходная – эти люди обычно остаются в Последнем Университете или в Прибрежном Содружестве.

Они проходили мимо жилых конструкций – странных органических капсул, частично встроенных в землю. Никакой стандартизации, каждое жилище уникально.

– Как организовано поселение? – поинтересовалась Лина. – Есть какая-то иерархия? Система управления?

– Нет иерархии, – ответила одна из сопровождающих женщин. – Есть функции. Роли. Джошуа – координатор. Я – интерпретатор. Сюзанна – био-инженер. Каждый делает то, к чему адаптирован.

– Интерпретатор? – переспросил Виктор.

– Я понимаю старый язык, – объяснила женщина. – Полный язык. Сложный. Большинство здесь использует упрощённый.

Виктор заметил, что она действительно говорила более полными предложениями, чем Джошуа. Третья стадия «Нисходящего кода» предполагала значительное сокращение языковых структур мозга – большинство жителей ис-

пользовали базовый словарный запас из нескольких сотен слов, дополняя их невербальной коммуникацией.

Они подошли к берегу бирюзового озера. Виктор автоматически отшатнулся – датчики его костюма показывали экстремальную концентрацию тяжёлых металлов и токсичных соединений в воде. Но к его изумлению, несколько жителей поселения спокойно входили в озеро, собирая какие-то растения или организмы.

– Как они... – Виктор не мог поверить своим глазам. – Эта вода смертельно ядовита!

– Для неадаптированного человека – да, – кивнул Харт. – Но они прошли вторую фазу кода. Их пищеварительная и выделительная системы полностью перестроены. Печень имеет дополнительные детоксикационные пути. Кожа содержит модифицированные меланоциты, связывающие тяжёлые металлы. Они не просто выживают здесь – они используют то, что для нас яд.

Один из жителей вышел из озера, держа горсть странных перламутровых организмов, похожих на моллюсков. Он подошёл к Виктору и протянул их с простой улыбкой:

– Пища. Хорошая. Много минералов.

Виктор инстинктивно отшатнулся, но мужчина не обиделся – просто пожал плечами и направился к другим жителям, раздавая свой улов.

– Их иммунная система тоже модифицирована, – продолжал объяснять Харт. – Они могут метаболизировать веще-

ства, которые для нас абсолютно токсичны. Этот моллюск, например, содержит соединения ртути и кадмия в концентрации, способной убить обычного человека. Для них это источник микроэлементов.

Лина наблюдала за всем с нескрываемым интересом:

– Это удивительно. Они не просто выживают в отравленной среде – они процветают в ней!

– Именно, – кивнул Харт. – Это суть «Нисходящего кода». Мы не боремся с изменившимся миром – мы меняемся вместе с ним. Становимся его частью.

Виктор не мог не признать, что адаптация была впечатляющей. С научной точки зрения это был триумф направленной эволюции. Но цена...

– Они потеряли язык, – тихо сказал он. – Абстрактное мышление. Способность к сложной коммуникации.

– Они получили другие способности, – возразил Харт. – Посмотри внимательнее.

Виктор наблюдал, как жители взаимодействуют друг с другом. Их коммуникация действительно была иной – минимум слов, но богатый язык тела, микровыражения, едва заметные жесты. И что-то ещё, что он не мог точно определить – словно они обменивались информацией на уровне, недоступном его восприятию.

– Феромоны, – объяснила женщина-интерпретатор, заметив его замешательство. – Мы общаемся запахами. Тактильно. Ультразвуком. Не только словами.

– Мультисенсорная коммуникация, – добавил Харт. – Более примитивная с точки зрения лингвистической сложности, но более богатая с точки зрения модальностей. Они передают информацию, которую нельзя выразить словами.

Лина осторожно приблизилась к группе детей, играющих с чем-то, что выглядело как живой, пульсирующий комок биомассы. Дети заметили её и, вместо того чтобы испугаться или насторожиться, приветливо замахали руками, приглашая присоединиться.

– Можно мне? – спросила она у отца.

Виктор колебался. Дети выглядели здоровыми, но их внешность была заметно изменённой – кожа с голубоватым оттенком, увеличенные глаза, удлинённые пальцы. Второе поколение упрощённых, рождённые от родителей, прошедших «Нисходящий код».

– Безопасно, – заверил Джошуа. – Дети не агрессивны. Просто любопытны.

Лина подошла к ним, и дети окружили её, с интересом изучая её обычную, неадаптированную внешность. Один из них, мальчик лет семи-восьми, коснулся её руки и замер, словно прислушиваясь. Затем улыбнулся и протянул ей свою игрушку – пульсирующий комок.

– Это биоформер, – объяснил Харт. – Синтетический организм с программируемыми свойствами. Дети используют их как обучающие игрушки. Биоформер адаптируется к нервной системе ребёнка, позволяя интуитивно понимать

биологические процессы.

Лина осторожно взяла странное создание. Оно пульсировало в её руках, меняя цвет от бледно-голубого к фиолетовому.

– Он реагирует на вашу неадаптированную биохимию, – пояснил Харт. – Анализирует и пытается установить связь.

– Это безопасно? – Виктор напрягся, готовый забрать у дочери непонятное существо.

– Абсолютно. Биоформеры неинвазивны и неагрессивны. Они просто... любопытны.

Лина держала пульсирующую массу, наблюдая, как та меняет цвета и текстуру. Внезапно биоформер застыл, став ярко-синим, и Лина вздрогнула.

– Что случилось? – Виктор шагнул к дочери.

– Ничего плохого, – она выглядела удивлённой, но не испуганной. – Просто... странное ощущение. Словно он... показал мне что-то. Образы. Формы. Не знаю, как объяснить.

– Нейронный резонанс, – кивнул Харт. – Биоформер создаёт слабое электромагнитное поле, которое взаимодействует с электрической активностью мозга. Это примитивная форма прямого нейронного интерфейса.

Лина вернула биоформера детям, которые с улыбкой приняли его и продолжили игру. Она медленно вернулась к отцу, словно пытаясь осмыслить полученный опыт.

– Это было... я не могу описать это словами, папа. Совершенно иной способ восприятия.

Виктор заметил странный блеск в её глазах – не страх, но глубокое, почти мистическое удивление. Это беспокоило его больше, чем если бы она испугалась. Страх был рациональной реакцией на неизвестное. А это... это было словно завоуженность.

Они продолжили экскурсию по поселению. Харт показывал им различные аспекты жизни адаптированных людей: их модифицированное сельское хозяйство, основанное на культивации токсин-накапливающих растений; примитивную, но эффективную медицину, использующую местные биологические ресурсы; образовательную систему, основанную не на передаче абстрактных знаний, а на прямом опыте и интуитивном понимании.

– Как они учатся? – спросил Виктор, наблюдая за занятием, где взрослый демонстрировал детям что-то с местными растениями. – Без сложного языка, без абстракций?

– Через опыт и эмпатию, – ответил Харт. – Они не изучают ботанику по книгам. Они взаимодействуют с растениями, понимают их на биохимическом уровне. Это знание, встроенное в тело, а не в интеллект.

– Но они потеряют способность к технологическому развитию, – возразил Виктор. – Без абстрактного мышления, без математики, без концептуального языка... Это тупиковый путь.

– Не тупиковый, – мягко поправил Харт. – Другой. Мы не пытаемся сохранить технологическую цивилизацию, Вик-

тор. Мы создаём новый вид, способный жить в мире, который мы разрушили. Технологии были нашим путём. Они не будут их путём.

– И это не пугает тебя? – Виктор пристально посмотрел на бывшего коллегу. – Отказ от всего, что создало нашу цивилизацию?

– Пугало, – признался Харт. – До того, как я прошёл первую фазу. А теперь я вижу красоту в простоте. В эффективности. В... принятии.

Виктор отвернулся, не желая продолжать этот разговор. Он искал Лину и с тревогой обнаружил, что она отошла от группы и теперь стояла у края озера, разговаривая с одним из местных детей.

Когда он приблизился, то услышал их странный диалог:

– Ты видишь цвета? – спросил ребёнок на упрощённом языке.

– Да, конечно, – ответила Лина. – А ты?

– По-другому, – мальчик указал на озеро. – Там. Смотри.

Лина всматривалась в бирюзовую воду:

– Я вижу только цвет. Красивый, но... токсичный.

– Нет, – ребёнок покачал головой. – Не смотри глазами. Смотри... – он коснулся своего лба, затем сердца, затем живота. – Всем.

Лина закрыла глаза и глубоко вдохнула. Её лицо постепенно расслабилось, обретая то же спокойное, почти безмятежное выражение, которое Виктор видел у местных жителей.

– Лина, – он подошёл к ней, положил руку на плечо. – Нам пора возвращаться к центру адаптации. Время без костюмов истекает.

Она открыла глаза, и на мгновение Виктору показалось, что он видит в них что-то чужое – словно она смотрела из какого-то другого места, другого состояния сознания. Но момент прошёл, и перед ним снова была его дочь.

– Да, конечно, папа, – она кивнула и бросила последний взгляд на озеро. – Знаешь, оно живое. Всё озеро – единый организм. Не вода с организмами в ней, а... единое целое.

– Откуда ты...

– Он показал мне, – она указала на мальчика. – Не словами. Просто... показал.

После возвращения в центр адаптации и надевания защитных костюмов, Виктор, Лина и Харт попрощались с жителями поселения и направились к вертолёту. Обратный путь они провели в молчании – каждый погружённый в свои мысли.

Лишь когда они пересекли границу защитного периметра Последнего Университета, Лина нарушила тишину:

– Они счастливы там, папа. Ты заметил? Несмотря на все трудности, токсины, радиацию... они по-настоящему счастливы.

– Это не счастье, Лина, – возразил Виктор. – Это отсут-

ствие страдания через отсутствие осознания. Они не понимают всего, что потеряли.

– А что, если некоторые вещи стоит потерять? – тихо спросила она. – Что, если наша сложность – это бремя, а не дар?

Харт наблюдал за их диалогом с лёгкой улыбкой, но не вмешивался. Это был разговор отца и дочери, стоящих на пороге выбора, который навсегда изменит их жизни.

Вертолёт приземлился на площадке Университета, и они вышли. Их встречала группа администраторов программы – учёных, ответственных за развёртывание «Нисходящего кода». Один из них, доктор Шмидт, руководитель неврологического отдела, подошёл к Виктору:

– Доктор Рамирес, нам нужно поговорить о вашей дочери. Наблюдательный совет выразил обеспокоенность по поводу её участия в программе.

– Что случилось? – нахмурился Виктор.

– Ничего критичного, – успокоил Шмидт. – Но её предварительные нейросканирования показывают некоторые... необычные паттерны. Мы хотели бы провести дополнительные исследования перед процедурой.

– Необычные паттерны? – Виктор почувствовал, как внутри нарастает тревога. – Что именно?

– Лучше обсудить это в лаборатории, – Шмидт посмотрел на Лину. – С вашего разрешения, мисс Рамирес, мы хотели бы провести полное картирование вашей нейронной актив-

ности сегодня вечером.

Лина кивнула:

– Конечно, доктор Шмидт. Без проблем.

Когда Шмидт отошёл, Виктор повернулся к Харту:

– Ты знаешь, в чём дело?

– Имею некоторое представление, – осторожно ответил тот. – Но не хочу делать преждевременных выводов. Давай дождёмся результатов сканирования.

Вечером того же дня Виктор нервно расхаживал перед нейролабораторией, пока Лина находилась внутри, подключённая к системе глубокого сканирования. Процедура длилась уже два часа – значительно дольше стандартного протокола.

Наконец, двери открылись, и вышла Лина в сопровождении доктора Шмидта и двух ассистентов. Она выглядела уставшей, но спокойной.

– Всё в порядке, папа, – сказала она, увидев его обеспокоенное лицо. – Просто много тестов.

– Доктор Рамирес, – Шмидт кивнул на дверь лаборатории. – Могу я показать вам результаты?

Виктор вошёл в лабораторию, оставив Лину с ассистентами. На центральном экране отображалась трёхмерная модель мозга его дочери с многочисленными подсвеченными участками.

– Что вы обнаружили? – спросил он, изучая модель.

Шмидт активировал голографический интерфейс:

– Что-то, чего мы раньше не видели. Посмотрите на эти участки префронтальной коры. – Он увеличил изображение. – Здесь должна быть стандартная нейронная архитектура. Но у Лины... паттерны совершенно иные.

– Аномальные? Патологические? – Виктор подался вперёд, чувствуя, как учащается пульс.

– Не совсем, – Шмидт покачал головой. – Скорее... прото-адаптивные. Словно её мозг уже начал перестраиваться. Самостоятельно, без вмешательства «Нисходящего кода».

– Это невозможно, – Виктор изучал данные, ища ошибки в измерениях или интерпретации. – Нейропластичность не работает таким образом. Для таких изменений нужен прямой генетический триггер или вирусный вектор.

– И тем не менее, – Шмидт вывел на экран сравнительные графики. – Вот базовые сканирования Лины, сделанные при её поступлении в Университет три недели назад. А вот сегодняшние данные. Изменения очевидны. Особенно в областях, связанных с сенсорным восприятием и эмоциональной регуляцией.

Виктор не мог поверить своим глазам. Мозг его дочери действительно менялся – и это были не случайные флуктуации, а направленные изменения, удивительно напоминающие те, что вызывал «Нисходящий код».

– Как такое возможно? – он повернулся к Шмидту. – Она

не проходила процедуру.

– Нет, – согласился тот. – Но она контактировала с участниками программы. Возможно, имеет место какой-то форма... эпигенетического влияния? Нейронного резонанса? Мы не знаем. Это новое явление.

В этот момент в лабораторию вошёл Харт.

– Я слышал о результатах, – сказал он без предисловий. – Можно взглянуть?

Шмидт показал ему данные, и Харт долго изучал их, прежде чем кивнуть:

– Я видел подобное раньше. У детей, родившихся от участников программы. Но никогда – у неадаптированного человека после простого контакта.

– Контакта с кем? – требовательно спросил Виктор. – С тобой? С жителями поселения?

– Возможно, с биоформером, – задумчиво произнёс Харт. – Эти организмы способны к нейронному резонансу. В сочетании с естественной нейропластичностью подростка... это могло запустить процесс.

– Ты должен был предупредить! – Виктор с трудом сдерживал гнев. – Ты подверг мою дочь неизвестному воздействию без согласия!

– Я не знал, что такое возможно, – твёрдо ответил Харт. – И если быть точным, это Лина сама взяла биоформера. По собственной воле.

– Она ребёнок!

– Она почти взрослый человек, способный принимать решения.

Шмидт осторожно вмешался:

– Джентльмены, давайте сосредоточимся на текущей ситуации. Изменения не выглядят опасными или дегенеративными. Напротив, они кажутся... адаптивными. Функциональными.

– Но необратимыми, – возразил Виктор. – Если они продолжатся в том же направлении, Лина фактически пройдёт первую фазу «Нисходящего кода» без официальной процедуры.

– Это плохо? – спросил Харт. – Учитывая, что она сама выразила желание участвовать в программе?

Виктор не ответил. Технически Харт был прав – Лина хотела пройти «Нисходящий код». Она лишь отложила решение ради его спокойствия. Но мысль о том, что изменения уже начались, без контроля, без возможности их остановить...

– Мы должны немедленно начать терапию, – сказал он наконец. – Нейрорегенеративные препараты, стимуляция стволовых клеток, восстановление нормальных паттернов.

Шмидт и Харт обменялись взглядами.

– Это может быть опасно, – осторожно сказал Шмидт. – Её мозг уже начал адаптироваться к новым паттернам. Резкое вмешательство может вызвать неврологический шок.

– И, – добавил Харт, – мы не знаем, хочет ли этого Лина.

Решение должно быть её.

– Она несовершеннолетняя! – воскликнул Виктор. – Я её отец и законный представитель!

– Верно, – согласился Шмидт. – Но в таких случаях наш протокол требует учитывать желание пациента. Особенно если принудительное лечение может нести риски.

Виктор почувствовал, как его загоняют в угол. По всем медицинским и этическим протоколам Последнего Университета, Лина имела право голоса в решениях, касающихся её здоровья. Особенно в таких неоднозначных случаях, где "лечение" могло быть опаснее, чем сами изменения.

– Я хочу поговорить с ней, – сказал он наконец. – Наедине.

Лина сидела в комнате отдыха неврологического отделения, просматривая что-то на планшете. Когда Виктор вошёл, она подняла голову и улыбнулась:

– Привет, папа. Они показали тебе, что происходит с моим мозгом?

Виктор сел рядом с ней:

– Да. Ты знаешь, что это значит?

– Доктор Шмидт объяснил, – она кивнула. – Мой мозг начал адаптироваться. Сам по себе. Как те дети в поселении.

– Это тебя не пугает? – тихо спросил Виктор.

Лина задумалась:

– Нет. Меня это... интересует. Я чувствую изменения, па-

па. С тех пор, как прикоснулась к биоформеру. Я вижу мир иначе. Чувствую его иначе. Это не страшно. Это... удивительно.

– Лина, эти изменения могут быть необратимыми. Ты можешь потерять часть своих когнитивных способностей, эмоционального диапазона...

– И получить другие, – спокойно закончила она. – Разве не в этом суть эволюции, папа? Потерять одно, приобрести другое? Адаптироваться?

– Но не так быстро, не так радикально!

– Почему нет? – она посмотрела ему в глаза. – Мир меняется быстро. Мы должны меняться вместе с ним.

Виктор узнал в её словах риторику Харта. Но теперь она говорила это с убеждённостью человека, который начинает испытывать изменения на себе.

– Что ты хочешь делать? – спросил он, уже зная ответ.

– Я хочу позволить этому продолжиться, – просто ответила Лина. – Без вмешательства. Я хочу увидеть, кем я стану.

Виктор закрыл глаза. Он ожидал этого. И понимал, что не сможет убедить её иначе. Не теперь, когда процесс уже начался.

– Хорошо, – он взял её за руку. – Но при одном условии. Полный нейромониторинг. Ежедневные сканирования. И если мы увидим любые признаки деструктивных изменений, мы вмешаемся. Согласна?

– Согласна, папа, – она сжала его руку. – Спасибо, что

понимаешь.

Виктор хотел сказать, что не понимает. Что боится за неё. Что видит, как его дочь превращается в кого-то другого. Но вместо этого он просто обнял её, пытаясь запомнить это чувство – обнимать Лину, свою Лину, пока она ещё была собой.

Неделю спустя Виктор сидел в своей лаборатории, анализируя последние данные нейросканирования Лины. Изменения прогрессировали – медленно, но неуклонно. Области, связанные с абстрактным мышлением, показывали снижение активности. Зоны, отвечающие за обработку сенсорной информации и эмоциональную регуляцию, напротив, демонстрировали повышенную активность и формирование новых связей.

Технически это соответствовало первой фазе «Нисходящего кода», но с одним важным отличием: изменения происходили органично, без искусственного вмешательства. Мозг Лины сам перестраивал свою архитектуру, словно следуя какому-то внутреннему плану.

Харт утверждал, что это прорыв – доказательство того, что «Нисходящий код» не был чем-то искусственным, навязанным природе, а скорее выявлял и активировал скрытые адаптивные механизмы, заложенные в человеческом геноме. Шмидт и другие нейрологи были более осторожны в выводах, но тоже проявляли научный энтузиазм.

Только Виктор чувствовал непреходящую тревогу. Да, физически Лина была здорова. Да, она не демонстрировала признаков дистресса или когнитивных нарушений. Но она менялась. День за днём становилась чуть менее многословной, чуть более интуитивной, чуть менее абстрактной в своём мышлении.

Его размышления прервал сигнал экстренного оповещения. На всех экранах появилось изображение председателя Марии Костас:

– Внимание всему персоналу Последнего Университета. Мы получили сообщение о массовой атаке на Прибрежное Содружество. Группа, называющая себя «Восходящие», осуществила нападение на поселения участников программы «Нисходящий код». Есть жертвы. Мы формируем группы гуманитарной помощи и обороны. Всем специалистам медицинского и оборонного профиля прибыть в центральный зал для брифинга.

Виктор замер. «Восходящие» – группа, поддерживающая подход Эмили Чен к трансгуманистическому усложнению вместо упрощения. Он не знал, что их противостояние с последователями «Нисходящего кода» дошло до открытого насилия.

Он быстро направился к центральному залу. По пути встретил Харта, который выглядел необычно встревоженным для человека на четвёртой стадии упрощения.

– Ты слышал? – спросил Виктор.

– Да, – кивнул Харт. – Это плохо, Виктор. Очень плохо. Они использовали биологическое оружие.

– Что?! – Виктор остановился. – Какое именно?

– Селективный вирусный вектор. Воздействует только на модифицированную нервную систему участников программы. Вызывает каскадную нейродегенерацию.

Виктор почувствовал, как холодеет внутри:

– Это может затронуть Лину?

– Теоретически, – Харт выглядел обеспокоенным. – Её изменения природные, не индуцированные вирусным вектором «Нисходящего кода». Но сходство нейронных паттернов... Мы не знаем, Виктор. Нужно провести анализы.

В центральном зале уже собралось несколько десятков специалистов. Мария Костас стояла в центре, рядом с голографическим изображением прибрежных поселений. На экранах транслировались кадры с места событий – горящие здания, пострадавшие люди, спасательные команды.

– Ситуация критическая, – говорила Костас. – «Восходящие» атаковали одновременно три крупнейших поселения Прибрежного Содружества. Использовали комбинированное оружие – кинетическое и биологическое. По предварительным данным, около двухсот погибших, более тысячи пострадавших.

Она указала на карту:

– Первая группа – медики и биоинженеры – отправляется немедленно для оказания помощи и разработки контрмер

против биооружия. Вторая группа – военные специалисты и технологи – формирует оборонный периметр вокруг оставшихся поселений.

Виктор заметил в толпе Эмили Чен, стоявшую с напряжённым лицом. Когда их взгляды встретились, она отвернулась. Знала ли она о планах «Восходящих»? Была ли причастна к этой атаке?

– Доктор Рамирес, – обратилась к нему Костас. – Вы входите в первую группу. Ваш опыт в нейрофизиологии будет необходим для разработки контрмер.

– Я готов, – кивнул он. – Когда отправление?

– Через час. Транспорт уже готовится.

Виктор быстро просчитывал варианты. Ему нужно было попасть в Прибрежное Содружество – не только чтобы помочь пострадавшим, но и чтобы лучше понять природу биооружия, которое могло угрожать Лине.

– Мне нужно полчаса, – сказал он Костас. – Я должен проверить дочь перед отъездом.

– Понимаю, – кивнула она. – Но не опаздывайте. Ситуация не терпит промедления.

Когда брифинг завершился, Виктор быстро направился к жилому комплексу, где должна была находиться Лина. По пути его нагнала Эмили Чен.

– Виктор, подожди, – она выглядела встревоженной. – Мне нужно поговорить с тобой.

– О чём? – холодно спросил он, не замедляя шаг. – О том,

как твои «Восходящие» убивают невинных людей?

– Это не мои «Восходящие», – возразила она. – Да, я разрабатываю альтернативный путь адаптации. Но я никогда не санкционировала насилие. Эта атака – дело рук радикально-го крыла, отколовшегося от основного движения.

– И ты ожидаешь, что я поверю?

– Мне всё равно, веришь ты или нет, – отрезала Эмили. – Я пришла предупредить. Биооружие, которое они использовали... Оно было создано на основе моих исследований. Но модифицировано без моего ведома. Я не знаю точного механизма действия, но оно нацелено на изменённые нейронные паттерны. Любые изменённые паттерны, Виктор. Включая те, что демонстрирует Лина.

Виктор остановился:

– Ты знаешь о Лине?

– Весь научный совет знает, – пожала плечами Эмили. – Её случай уникален. Первый зарегистрированный пример спонтанной нейроадаптации.

Она достала из кармана небольшую ампулу с прозрачной жидкостью:

– Это прототип нейропротектора. Он не нейтрализует вирус, но может замедлить его действие. Дай это Лине. На всякий случай.

Виктор колебался, затем взял ампулу:

– Почему ты помогаешь?

– Потому что я учёный, а не фанатик, – твёрдо сказала

Эмили. – И потому что, несмотря на наши разногласия, я не хочу, чтобы пострадали невинные. Особенно дети.

Она повернулась, чтобы уйти, но Виктор остановил её:

– Эмили! Ты присоединишься к спасательной группе?

– Нет, – она покачала головой. – Меня не включили в список. Видимо, не доверяют.

– Я могу поговорить с Костас.

– Не нужно, – она слабо улыбнулась. – Я буду полезнее здесь. Работая над противоядием.

Виктор нашёл Лину в комнате для нейромониторинга. Она проходила очередное сканирование под наблюдением доктора Шмидта.

– Папа! – она улыбнулась, увидев его. – Ты слышал, что случилось?

– Да, – он подошёл к ней, внимательно изучая её лицо, ища признаки недомогания. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – она выглядела озадаченной его тревогой. – А что?

Виктор переглянулся с Шмидтом:

– Биооружие, использованное при атаке, нацелено на модифицированные нейронные паттерны. Твои изменения... могут сделать тебя уязвимой.

Лина не выглядела испуганной:

– Но атака была в Прибрежном Содружестве. Мы здесь в

безопасности.

– Вирусы могут распространяться, – мягко сказал Виктор. – И у нас нет гарантии, что «Восходящие» не планируют атаку на Университет.

Он достал ампулу, полученную от Эмили:

– Это нейропротектор. Экспериментальный, но может обеспечить защиту.

Шмидт внимательно осмотрел ампулу:

– От доктора Чен? – он вопросительно посмотрел на Виктора. – Вы уверены, что ей можно доверять?

– Нет, – честно ответил Виктор. – Но у нас нет других вариантов. Я проверю формулу перед введением.

Он подключил ампулу к анализатору, который быстро определил химический состав. Виктор изучил результаты:

– Модифицированный нейротрансмиттер с белковым носителем. Действительно похоже на нейропротектор. Не вижу токсических компонентов.

Шмидт кивнул:

– Я сделаю инъекцию. Мы будем мониторить реакцию.

Лина протянула руку для инъекции:

– Не беспокойся, папа. Я буду в порядке. Лучше иди – тебя ждёт спасательная команда.

Виктор колебался. Оставлять дочь в такой момент... Но тысячи людей в Прибрежном Содружестве нуждались в помощи. И там он мог получить образцы биооружия, необходимые для разработки эффективного противоядия.

– Шмидт будет с тобой постоянно, – сказал он. – При малейших признаках ухудшения свяжись со мной немедленно.

– Обещаю, – кивнула Лина. – Будь осторожен там, папа. И помоги им. Они... как я. Только дальше по пути.

Виктор обнял дочь, затем быстро вышел, направляясь к транспортной площадке. Каждый шаг давался с трудом – словно невидимая сила тянула его обратно к Лине. Но он должен был идти. Ради неё. Ради всех, кто стал жертвой безумного конфликта между двумя путями эволюции.

Прибрежное Содружество встретило их дымом и хаосом. Три крупнейших поселения, расположенных на восточном побережье бывших США, подверглись одновременной атаке. Здания горели, улицы были заполнены ранеными, медицинский персонал работал на пределе возможностей.

Самолёт с группой медиков и учёных из Последнего Университета приземлился на импровизированной площадке, расчищенной от обломков. Их встретила женщина в военной форме, с коротко стриженными волосами и жёстким, сосредоточенным взглядом.

– Командир Дайан Кван, – представилась она. – Руководитель оборонного подразделения Прибрежного Содружества. Благодарю за быстрый отклик.

– Доктор Виктор Рамирес, – он пожал её руку. – Нейрофизиолог. Расскажите о ситуации.

Кван жестом пригласила их следовать за ней. Они быстро шли через опустошённый город, мимо разрушенных зданий и временных полевых госпиталей.

– Атака началась шесть часов назад, – говорила Кван. – Три волны. Сначала кинетическое оружие – дроны с взрывчаткой. Затем наземные штурмовые группы. Затем распыление биологического агента.

– Какие симптомы у пострадавших? – спросил один из медиков.

– Начинается с головной боли и головокружения. Затем нарушение координации, потеря чувствительности, судороги. В тяжёлых случаях – кома и смерть. Поражает только модифицированных – участников программы «Нисходящий код».

– Явно нейротропное действие, – заметил Виктор. – Селективное, направленное на изменённые нейронные паттерны.

– Именно, – подтвердила Кван. – Наши врачи пытаются стабилизировать пациентов, но без понимания механизма действия... мы теряем их.

Они подошли к крупнейшему полемому госпиталю – бывшему общественному центру, превращённому в медицинский комплекс. Десятки коек были заполнены пострадавшими. Медики в защитных костюмах перемещались между ними, проводя экстренные процедуры.

– Нам нужны образцы вируса, – сказал Виктор. – И пол-

ный доступ к медицинским данным пациентов.

– Всё готово, – кивнула Кван. – У нас есть временная лаборатория. И несколько захваченных распылителей с неиспользованным агентом.

Она провела их в отдельное помещение, оборудованное под исследовательскую лабораторию. Здесь уже работали несколько учёных из Прибрежного Содружества – модифицированные люди, прошедшие первую стадию «Нисходящего кода», но сохранившие научные знания и навыки.

– Это доктор Рамирес из Последнего Университета, – представила их Кван. – Специалист по нейрофизиологии. Он поможет нам разработать контрмеры.

Один из местных учёных – женщина средних лет с характерными признаками первой стадии модификации – подошла к Виктору:

– Доктор Рамирес. Я доктор Нора Ли. Мы идентифицировали агент. Это генетически модифицированный рабдовирус с тропностью к нервной ткани.

Она показала на экран с молекулярной структурой вируса:

– Он несёт специфический белок, который связывается с рецепторами, экспрессируемыми только в модифицированных нейронах. После проникновения в клетку вызывает дисрегуляцию ионных каналов, что приводит к эксайтотоксичности и апоптозу.

Виктор изучал данные, быстро составляя в уме потенциальные подходы к лечению:

– Мы можем попробовать блокаторы кальциевых каналов в сочетании с антиапоптотическими агентами. И антисмысловые олигонуклеотиды, нацеленные на вирусную РНК.

– Уже тестируем первый подход, – кивнула Ли. – С ограниченным успехом. Проблема в том, что вирус распространяется трансинаптически. Классические противовирусные препараты неэффективны.

– А иммунная терапия? – предложил Виктор. – Моноклональные антитела против белка оболочки?

– Слишком медленно для синтеза, – покачала головой Ли. – Нам нужно что-то, что можно произвести в полевых условиях.

Виктор задумался. Ситуация была критической – десятки людей умирали, сотни находились в тяжёлом состоянии. Необходимо было решение, которое можно реализовать немедленно, с имеющимися ресурсами.

– Покажите мне самый тяжёлый случай, – сказал он наконец.

Ли провела его к изолированной палате, где лежал молодой мужчина, подключённый к системе жизнеобеспечения. Его тело периодически сотрясали судороги, на мониторах отображалась хаотическая нейронная активность.

– Томас Миллер, – представила Ли. – Участник первой волны. Был здесь с миссией от Последнего Университета.

Виктор узнал Томаса «Эхо» Миллера – того самого, кто сопровождал их с Линой в лабораторию Харта, кто защищал

их во время нападения на Университет. Теперь он умирал, его уникальный модифицированный мозг разрушался вирусом, созданным специально для этой цели.

– Дайте мне полный доступ к медицинскому оборудованию, – сказал Виктор. – Я буду работать здесь.

В следующие часы Виктор погрузился в интенсивную работу, анализируя вирус, тестируя различные комбинации лекарств, моделируя их взаимодействие с изменёнными нейронными паттернами. Параллельно он изучал данные других пациентов, ища закономерности, ключи к эффективному лечению.

Ближе к ночи в лабораторию вошла командир Кван:

– Как продвигается, доктор?

– Есть прогресс, – не отрываясь от экрана, ответил Виктор. – Я идентифицировал уязвимость в структуре вируса. Он был создан для атаки на нейроны с изменённым мембранным потенциалом – характерная черта после первой фазы «Нисходящего кода». Но эта специфичность – его слабость.

Он вывел на экран молекулярную модель:

– Посмотрите. Если мы введём аналог нейротрансмиттера, который имитирует сигнатуру неизменённых нейронов, вирус не сможет распознать цель. Это не лечение, но может остановить прогрессирование заболевания.

– Вы можете синтезировать этот аналог здесь?

– Уже начал процесс, – Виктор указал на биосинтезатор,

работающий в углу лаборатории. – Через два часа будет первая партия. Достаточно для двадцати пациентов в критическом состоянии.

Кван молча наблюдала за ним некоторое время:

– Почему вы помогаете нам, доктор Рамирес? Насколько я знаю, вы не поддерживаете «Нисходящий код».

Виктор поднял глаза от оборудования:

– Я не поддерживаю идею намеренного упрощения человеческого разума. Но я врач. И эти люди, какой бы выбор они ни сделали, заслуживают помощи.

– И только поэтому? – Кван смотрела на него пронизательным взглядом.

Виктор помедлил, затем решил быть честным:

– Моя дочь... её мозг начал спонтанно меняться. Подобно участникам программы. Если этот вирус распространится, она может быть в опасности.

– Понимаю, – кивнула Кван. – Личный интерес всегда сильнее идеологии.

– Дело не только в личном интересе, – возразил Виктор. – То, что сделали «Восходящие», – это геноцид. Целенаправленное уничтожение группы людей за их биологические особенности. Какими бы ни были мои взгляды на «Нисходящий код», я не могу принять такое.

– В этом мы согласны, – Кван подошла ближе. – Но что будет дальше, доктор Рамирес? Вы разработаете лекарство, спасёте этих людей... а затем вернётесь в свой Университет

и продолжите бороться против их выбора?

Виктор не нашёлся с ответом. Действительно, что будет дальше? Продолжит ли он противостоять «Нисходящему коду», когда видел, как жестоко преследуются его последователи? Когда его собственная дочь становится одной из них?

Прежде чем он успел ответить, дверь лаборатории распахнулась, и вбежал один из медиков:

– Командир Кван! Вторая атака! Дроны приближаются с запада!

Кван мгновенно переключилась в боевой режим:

– Сколько?

– Не меньше двадцати. И мы засекали сигнатуры десантных капсул. Они высадят штурмовые группы.

– Объявляйте полную эвакуацию медицинского центра, – приказала она. – Всех тяжёлых пациентов в бункер. Боевые группы на позиции.

Она повернулась к Виктору:

– Доктор, у вас есть выбор. Вы можете эвакуироваться с другими медиками или остаться и закончить работу. Во втором случае я не гарантирую вашу безопасность.

Виктор посмотрел на биосинтезатор, который всё ещё работал, на мониторы с данными пациентов, на Томаса Миллера, борющегося за жизнь.

– Я остаюсь, – твёрдо сказал он. – Антидот почти готов. Я закончу работу.

Кван кивнула:

– Я оставлю двух охранников. Не высовывайтесь. Если ситуация станет критической, следуйте их инструкциям.

Она направилась к выходу, но на пороге обернулась:

– И, доктор Рамирес... спасибо. Не все учёные из Последнего Университета так относятся к нам.

Звуки боя доносились даже сквозь толстые стены лаборатории. Взрывы, выстрелы, крики – «Восходящие» атаковали с яростью фанатиков, уверенных в своей правоте. Защитники поселения отвечали с не меньшей решимостью.

Виктор работал, стараясь не обращать внимания на хаос снаружи. Биосинтезатор завершил процесс, и теперь он готовил первые дозы нейропротектора. Простая формула, но потенциально эффективная – блокирующая взаимодействие вируса с рецепторами модифицированных нейронов.

Первую дозу он ввёл Томасу Миллеру, наблюдая за показателями нейронной активности. Несколько минут ничего не происходило, затем паттерн начал стабилизироваться. Судороги прекратились. Дыхание стало более ровным.

– Работает, – тихо сказал Виктор. – Чёрт возьми, это работает!

Он быстро подготовил ещё несколько доз и вызвал медицинский персонал. Несмотря на атаку, они пришли – двое модифицированных медиков, их движения были чёткими, эффективными, без паники.

– Вводите это самым тяжёлым пациентам, – инструктировал Виктор, передавая им препарат. – Внутривенно, медленно. Мониторьте реакцию. Если стабилизация начинается, переходите к следующему.

Медики кивнули и быстро ушли. Виктор вернулся к биосинтезатору, запуская новый цикл. Теперь, когда он знал, что формула работает, нужно было произвести как можно больше препарата.

Сквозь звуки боя он вдруг услышал новый звук – тяжёлые шаги в коридоре. Кто-то приближался к лаборатории. Охранники, оставленные Кван, вскинули оружие, направив его на дверь.

Дверь распахнулась, и вошли трое в чёрной тактической форме. На их шлемах был символ «Восходящих» – спираль ДНК, устремлённая вверх. Охранники открыли огонь, но атакующие были быстрее – их модифицированные рефлексы позволили уклониться и ответить точными выстрелами. Охранники упали.

Виктор отступил к дальнему углу лаборатории, понимая, что у него нет шансов против вооружённых противников. Один из нападавших снял шлем, и Виктор с ужасом узнал его – это был один из ассистентов Эмили Чен.

– Доктор Рамирес, – сказал он спокойно. – Отойдите от оборудования. Мы не хотим причинить вам вред.

– Что вам нужно? – Виктор не двигался с места, прикрывая собой биосинтезатор.

– Уничтожить препарат, который вы создаёте, – ответил человек. – Эти существа должны умереть. Они предали человеческую эволюцию.

– Они люди! – воскликнул Виктор. – Такие же, как мы!

– Нет, – покачал головой нападавший. – Они отказались от того, что делает нас людьми. Они выбрали деградацию вместо возвышения. Они не заслуживают выживания.

Он поднял оружие:

– Последний раз прошу. Отойдите.

В этот момент с улицы донёсся оглушительный взрыв. Здание содрогнулось, с потолка посыпалась штукатурка. Нападавшие на мгновение отвлеклись, и Виктор использовал это – схватил контейнер с готовыми дозами препарата и нырнул за лабораторный стол.

Раздались выстрелы, но в этот же миг дверь снова распахнулась. Виктор услышал новые выстрелы, крики, звуки борьбы. Когда он осторожно выглянул, то увидел, что нападавшие лежат на полу, а в дверях стоит командир Кван с группой своих бойцов.

– Вы в порядке, доктор? – спросила она, подходя к нему.

– Да, – Виктор медленно поднялся. – Препарат тоже цел.

– Хорошо, – кивнула Кван. – Потому что ситуация ухудшается. «Восходящие» прорвали внешний периметр. Они распыляют биологический агент по всему поселению. Нам нужен ваш препарат. Много.

– Биосинтезатор работает на максимуме, – Виктор указал

на устройство. – Но это медленный процесс. Нам нужен способ масштабировать производство.

Кван задумалась:

– У нас есть биореакторы в сельскохозяйственном центре. Они используются для выращивания модифицированных культур, но принцип тот же.

– Если адаптировать протокол... – Виктор быстро просчитывал варианты. – Да, это может сработать. Нам понадобится доступ к центру и квалифицированный персонал.

– Я организую, – Кван активировала коммуникатор. – Группа безопасности, эскортируйте доктора Рамиреса в аграрный сектор. Биоинженерной команде приготовиться к перенастройке реакторов.

Она повернулась к Виктору:

– У вас будет всё необходимое. Но времени мало. «Восходящие» целенаправленно уничтожают нас. Если мы не получим массовое производство антидота в ближайшие часы...

– Я понимаю, – кивнул Виктор. – Я справлюсь.

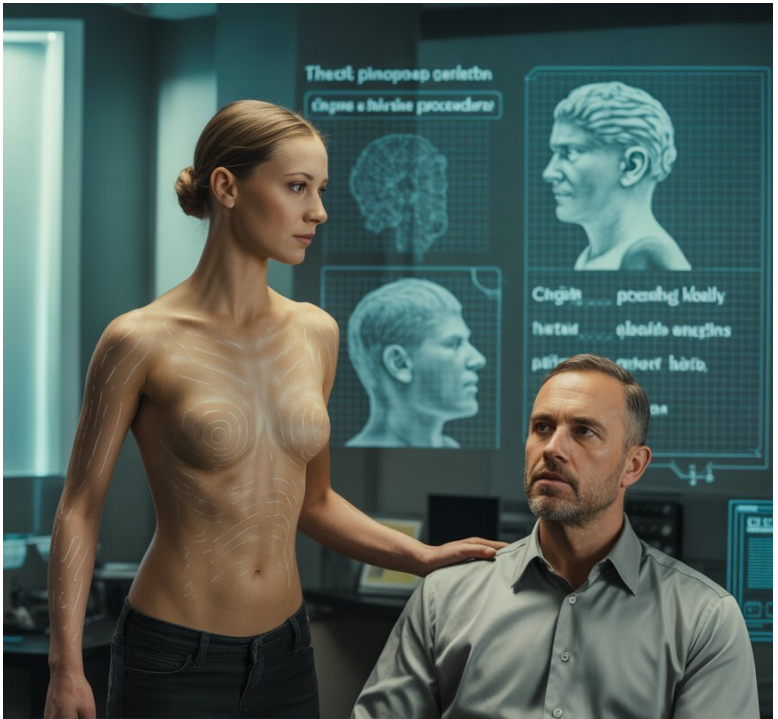
В сопровождении охраны он быстро покинул лабораторию, направляясь через охваченное боем поселение к аграрному сектору. Он видел, как упрощённые люди защищали свои дома – не с технологическим превосходством, которым обладали «Восходящие», но с поразительной эффективностью, координацией и отсутствием страха. Их адаптированные тела и мозги компенсировали недостаток вооружения.

И Виктор вдруг осознал парадокс: «Восходящие», с их

трансгуманистическими улучшениями, сражались против тех, кто представлял естественную адаптацию к изменившемуся миру. Технология против эволюции. Искусственная сложность против естественной простоты.

Кем была в этой битве его дочь? Кем был он сам? И был ли у человечества шанс пережить этот конфликт, или два пути эволюции были обречены на взаимное уничтожение?

Эти вопросы кружили в его голове, пока он бежал через хаос и разрушение, сжимая в руках контейнер с препаратом, способным спасти тех, кто выбрал путь, который он так долго отвергал.

Глава 5: Манифест Восхождения

Виктор вошёл в сельскохозяйственный центр Прибрежного Содружества – обширный комплекс геодезических куполов, где выращивались адаптированные к новым условиям культуры. В обычное время здесь работали десятки упрощённых людей, культивируя растения, способные извлекать питательные вещества из токсичной почвы и очищать её. Сейчас комплекс превратился в укрепрайон, защищаемый ожесточённо сражающимися жителями поселения.

Его встретила группа биоинженеров – все прошли как минимум первую фазу «Нисходящего кода». Они двигались с характерной экономией движений, говорили кратко, по существу, без эмоциональных оттенков. Но их глаза были внимательными, сосредоточенными – они понимали критичность ситуации.

– Реакторы готовы, – сообщил старший инженер, мужчина с серебристым оттенком кожи, свидетельствовавшим о второй фазе модификации. – Протокол?

Виктор быстро изложил процесс синтеза нейропротектора, используя максимально упрощённую терминологию. Удивительно, но они схватывали сложные биохимические концепции на лету, несмотря на ограниченный словарный запас. Их интуитивное понимание биологических процессов компенсировало недостаток абстрактного мышления.

– Начинаем, – кивнул старший инженер. – Время оценки?

– Три часа до первой партии, – ответил Виктор. – Если все реакторы будут работать синхронно, мы сможем произвести достаточно препарата для всего поселения.

Они приступили к работе. Виктор программировал био-реакторы, а инженеры настраивали системы жизнеобеспечения и мониторинга. Снаружи продолжался бой – периодически купола содрогались от близких взрывов, но никто не отвлекался от задачи.

Через час в центр вошла командир Кван. Её форма была покрыта копотью и кровью, на лице – свежий порез, но осанка оставалась прямой, а взгляд – сосредоточенным.

– Доктор Рамирес, – она кивнула ему. – Как продвигается?

– По плану, – ответил он, не отрываясь от программирования. – Первая партия будет готова через два часа.

– Хорошо, – она подошла ближе. – Потому что у нас новая проблема. «Восходящие» задействовали аэрораспылители. Они обрабатывают всю территорию биоагентом. Наши защитные системы перегружены.

Виктор замер:

– Это безумие. Они отравят весь регион.

– Это точечное оружие, – покачала головой Кван. – Действует только на носителей «Нисходящего кода». Они хотят устроить тотальную зачистку.

– Откуда у них такие ресурсы? Такая организация? – Виктор нахмурился. – Это похоже на военную операцию, а не на действия радикальной группы.

– Потому что это и есть военная операция, – мрачно сказала Кван. – Мы перехватили их коммуникации. За ними стоят остатки некоторых правительств. Тех, кто видит в «Нисходящем коде» угрозу для человечества.

Виктор не мог поверить своим ушам:

– Правительства? Но какие правительства остались после коллапса?

– Военные хунты. Технократические анклавы. Те, кто контролирует последние ресурсы и технологии, – Кван говорила спокойно, но её глаза выдавали напряжение. – Для них «Нисходящий код» – экзистенциальная угроза. Он предлагает путь адаптации, который не требует их власти, их ресурсов, их контроля.

Виктор вспомнил слова Харта о том, что новый вид будет жить по иным правилам, без привычных технологий и социальных структур. Если это распространится глобально, существующие центры власти действительно потеряют свою значимость.

– Вы получили какое-то сообщение от Последнего Университета? – спросил он, думая о Лине, оставшейся там.

– Нет, – ответила Кван. – Все дальние коммуникации блокируются. «Восходящие» не хотят, чтобы информация о падении распространилась до завершения операции.

Это беспокоило Виктора. Если Университет не знает о масштабах атаки, они не примут необходимых мер предосторожности. Лина, с её изменяющимся мозгом, может быть в

опасности, если биоагент доберётся туда.

– Сколько у нас времени, прежде чем ситуация станет критической? – спросил он.

– Трудно сказать, – Кван посмотрела на мониторы, отображающие ситуацию в поселении. – Мы держим периметр, но наши силы истощаются. И число заражённых растёт. Я бы сказала, четыре-пять часов максимум.

Виктор оценил ситуацию. Первая партия нейропротектора будет готова через два часа, но для полного производства требовалось больше времени. Нужно было ускорить процесс.

– Мне понадобится доступ к центральной лаборатории, – сказал он. – Я могу модифицировать протокол, сделать его более эффективным.

Кван кивнула:

– Я организую безопасный коридор. Но доктор Рамирес... там опасно. Основные силы «Восходящих» концентрируются вокруг центральных объектов.

– У меня нет выбора, – твёрдо сказал Виктор. – Если мы не ускорим производство, многие умрут.

Путь к центральной лаборатории лежал через зону активных боевых действий. Виктор, сопровождаемый группой охраны под командованием Кван, пересекал опустошённые улицы, пригибаясь от свистящих над головой пуль и оскол-

ков.

Картина разрушения поражала масштабом. Здания, ещё утром бывшие домами и общественными центрами, теперь превратились в руины. На улицах лежали тела – преимущественно модифицированных людей, чья иммунная система не справилась с вирусным агентом. Некоторые ещё были живы – их трясло в конвульсиях, глаза закатывались, из носа и ушей сочилась кровь.

– Биоагент работает быстрее, чем мы предполагали, – мрачно заметила Кван. – Они усовершенствовали формулу.

Виктор остановился возле одного из конвульсирующих пациентов – молодой женщины с явными признаками второй фазы модификации. Её кожа уже приобрела характерный металлический оттенок, адаптированный к высокому содержанию тяжёлых металлов в окружающей среде. Теперь эта же адаптация стала её уязвимостью – вирус использовал модифицированные рецепторы для проникновения в клетки.

– У меня есть несколько доз прототипа, – Виктор достал из контейнера ампулу с нейропротектором. – Это может стабилизировать её состояние до производства основной партии.

Он быстро ввёл препарат. Женщина продолжала дрожать, но конвульсии стали менее интенсивными. Дыхание выровнялось.

– Работает, – кивнула Кван. – Но у нас нет времени оста-

навливаться у каждого.

Они продолжили путь. Дважды группа попадала под обстрел, и охрана отвечала точным огнём. Кван лично нейтрализовала снайпера, засевшего на крыше трёхэтажного здания – её движения были молниеносными, почти нечеловеческими. Виктор понял, что она тоже прошла модификацию – вероятно, первую фазу, оптимизировавшую её моторные функции и рефлексy.

Когда они приблизились к центральной лаборатории, Виктор заметил необычную активность в небе. Десятки дронов кружили над поселением, распыляя мелкодисперсный аэрозоль – биоагент, смертельный для модифицированных людей.

– Они заменили обычные распылители на высотные дроны, – прокомментировала Кван. – Умно. Мы не можем сбить их все.

В этот момент в небе появилась новая группа летательных аппаратов – тяжёлые транспортные платформы с логотипами Последнего Университета.

– Подкрепление, – с облегчением выдохнул Виктор. – Они всё-таки получили информацию о нападении.

Кван прищурилась, изучая приближающиеся аппараты:

– Не уверена. Это не похоже на спасательную операцию. Скорее на... эвакуацию?

И действительно, транспортники не высаживали войска и не атаковали дронов «Восходящих». Вместо этого они при-

землялись в разных частях поселения, быстро забирали людей и снова поднимались в воздух.

– Они эвакуируют важный персонал, – поняла Кван. – Учёных. Специалистов. Наиболее ценных для программы.

– А остальные? – Виктор смотрел, как транспортники методично работают, игнорируя творящийся вокруг хаос.

– Остальные должны выжить самостоятельно, – жёстко сказала Кван. – Таков протокол экстремальной эвакуации Последнего Университета. Я видела документы.

Виктор не мог поверить в такой цинизм. Тысячи людей погибали от биологического оружия, а транспортники спасали только избранных. Это противоречило всему, что декларировал Харт о «Нисходящем коде» как о пути спасения человечества.

Они добрались до центральной лаборатории – модернизированного комплекса с передовым оборудованием. Внутри было пусто – персонал либо эвакуировался, либо погиб в первой волне атаки.

– У нас около часа, – сказала Кван, расставляя охрану по периметру. – Потом придётся уходить, независимо от результатов. Периметр долго не продержится.

Виктор кивнул и приступил к работе. Оборудование лаборатории значительно превосходило то, что было в сельскохозяйственном центре. Здесь он мог не только ускорить синтез нейропротектора, но и улучшить его формулу, сделав более эффективным против модифицированного вируса.

Через сорок минут интенсивной работы у него была новая версия препарата – более стабильная и потенциально более эффективная. Он запустил тестовый синтез, когда услышал шум у входа в лабораторию.

Кван вошла, ведя под прицелом человека в форме «Восходящих». Пленный был без шлема, с кровоточащей раной на голове, но держался с вызывающим достоинством.

– Доктор Рамирес, – сказала Кван. – Этот человек утверждает, что знает вас. И что у него есть важная информация.

Виктор подошёл ближе и узнал пленного – это был один из ассистентов Эмили Чен, тот же, которого он видел ранее при нападении на лабораторию.

– Да, я его знаю, – подтвердил Виктор. – Доктор Алекс Мартин, нейрофармаколог из Последнего Университета.

– Предатель, – процедил Мартин. – Ты помогаешь им. Этим... упрощённым. Ты предал свой вид, Рамирес.

– Мой вид? – Виктор приблизился к пленному. – Они такие же люди, как мы.

– Нет, – Мартин покачал головой. – Они выбрали путь назад, к примитивизму. Они отказались от того, что делает нас людьми. От сложности. От интеллекта.

– И это оправдывает геноцид? – холодно спросил Виктор.

– Это не геноцид. Это предотвращение эволюционной катастрофы, – Мартин говорил с убеждённой фанатикой. – Ты читал «Манифест Восхождения»? Ты понимаешь, что стоит на кону?

– Какой манифест? – нахмурился Виктор. Он ничего не слышал о таком документе.

Мартин горько усмехнулся:

– Конечно. Они скрыли его от широкой общественности. Доктор Чен опубликовала его три дня назад. Декларация войны против «Нисходящего кода». Научное и философское обоснование необходимости уничтожения всех упрощённых.

Виктор был потрясён. Эмили опубликовала манифест, призывающий к уничтожению последователей «Нисходящего кода»? Та самая Эмили, которая дала ему нейропротектор для Лины?

– Я не верю, – покачал головой он. – Эмили не сторонник насилия.

– Нет? – Мартин рассмеялся. – Тогда кто разработал вирус, специфичный для модифицированных нейронов? Кто создал оружие, которое сейчас убивает тысячи в этом поселении?

– Где манифест? – требовательно спросил Виктор. – У вас есть копия?

Мартин кивнул на свой наручный коммуникатор:

– Там. Полная версия. Доктор Чен хотела, чтобы все участники операции понимали её научное обоснование.

Кван сняла коммуникатор с руки пленного и передала Виктору:

– Это может быть ловушка. Вирус в электронной форме.

– Проверю, – Виктор подключил коммуникатор к изолированному терминалу лаборатории, прогнав содержимое через несколько уровней защиты.

Файл оказался чист. Виктор открыл документ и увидел заголовок: «Манифест Восхождения: Научное обоснование эволюционного прорыва человечества». Автор: доктор Эмили Чен, руководитель проекта «Восхождение».

Он начал читать, и с каждым параграфом его лицо становилось всё более мрачным. Документ был блестящим с научной точки зрения – тщательный анализ эволюционных путей человечества, подкреплённый данными генетических исследований и нейробиологическими моделями. Эмили доказывала, что «Нисходящий код» представляет собой эволюционный тупик, возврат к примитивным формам адаптации за счёт отказа от сложных когнитивных функций, которые делают человека человеком.

Альтернативой она предлагала «Восхождение» – путь направленного усложнения, интеграции технологий в человеческое тело и разум, создания нового вида, превосходящего *homo sapiens* по всем параметрам. Не просто приспособленного к изменившейся среде, но способного преобразовывать её, контролировать, создавать заново.

И самое страшное – в последних разделах документа содержался прямой призыв к уничтожению всех участников программы «Нисходящий код». Эмили аргументировала это эволюционной необходимостью: два пути не могут сосуще-

ствовать, один должен уступить другому. И упрощение, с её точки зрения, было смертельной угрозой для будущего человечества как разумного вида.

– Она действительно это написала, – тихо сказал Виктор, завершив чтение. – И санкционировала этот... геноцид.

– Теперь ты понимаешь? – в голосе Мартина звучало торжество. – Мы действуем не из ненависти. Это научная необходимость. Один вид должен победить. И лучше, если это будет вид, устремлённый вверх, а не вниз.

Виктор перевёл взгляд на Кван:

– Когда был опубликован этот манифест?

– Три дня назад, – ответил вместо неё Мартин. – Сразу после того, как ваша дочь продемонстрировала спонтанные изменения нейронных паттернов. Это стало последней каплей для доктора Чен. Доказательством того, что «Нисходящий код» способен распространяться не только через прямое вмешательство, но и через какие-то неизвестные механизмы нейронного резонанса.

– Моя дочь? – Виктор похолодел. – При чём здесь моя дочь?

– Её случай изучается всем научным сообществом Последнего Университета, – пожал плечами Мартин. – Первый задокументированный пример спонтанной нейроадаптации. Потенциально – эволюционный скачок, который может сделать вирусную модификацию «Нисходящего кода» ненужной. Естественное упрощение. Доктор Чен видит в

этом экзистенциальную угрозу. Если мозг может самопроизвольно перестраиваться, отказываясь от высших когнитивных функций в пользу примитивных адаптаций... человечество как вид обречено.

Виктор с трудом сдерживал гнев. Его дочь стала объектом исследования, катализатором войны между двумя эволюционными путями, и никто даже не посчитал нужным сообщить ему об этом.

– Где сейчас Эмили? – требовательно спросил он.

– В Башне Восхождения, – ответил Мартин. – Руководит операцией. Или, точнее, наблюдает за ней. У неё более важная работа – создание нового вида, который придёт на смену *homo sapiens*.

– Башня Восхождения? – Виктор повернулся к Кван. – Что это?

– Высокотехнологичный комплекс в бывшем Сингапуре, – ответила она. – Мы получали разведданные. Там база «Восходящих», их лаборатории и производственные мощности. Непрístupная крепость.

В этот момент в лабораторию вбежал один из охранников:

– Командир! «Восходящие» прорвали последний рубеж обороны. Они будут здесь через десять минут максимум.

Кван быстро оценила ситуацию:

– Доктор Рамирес, ваш препарат готов?

– Базовая партия да, – кивнул Виктор. – Я могу переправить формулу в сельскохозяйственный центр для массового

производства.

– Сделайте это, – приказала она. – Затем мы эвакуируемся. Последний транспортник Университета ждёт на западной площадке. У нас есть место для вас.

– А остальные? – Виктор указал в сторону поселения, где тысячи модифицированных людей всё ещё сражались и умирали.

– Мы делаем, что можем, – жёстко ответила Кван. – Некоторые эвакуируются своими силами. Другие... приспособятся. Они выбрали этот путь, Рамирес. Путь адаптации любой ценой.

Виктор передал формулу нейропротектора через защищённый канал в сельскохозяйственный центр, затем быстро собрал личные вещи и данные исследований. Кван и её люди уже готовились к отступлению, блокируя двери и устанавливая взрывные заряды, чтобы задержать преследователей.

– Что с пленным? – спросил Виктор, кивнув на Мартина.

– Стандартный протокол предписывает ликвидацию, – сухо ответила Кван. – Он видел нашу лабораторию, знает о препарате. Если вернётся к своим, они модифицируют вирус.

– Нет, – твёрдо сказал Виктор. – Мы берём его с собой. Он нужен мне для допроса. И он остаётся в живых.

Кван пристально посмотрела на него:

– Это против протокола.

– К чёрту протокол, – отрезал Виктор. – Достаточно смер-

тей на сегодня.

После секундного колебания Кван кивнула:

– Ваша ответственность, доктор. Если он создаст проблемы...

– Не создаст, – Виктор подошёл к Мартину. – Ты ведь хочешь жить? Тогда будешь сотрудничать. И расскажешь мне всё, что знаешь о планах Эмили и «Восходящих».

Мартин смотрел на него с ненавистью, но кивнул:

– У меня нет выбора, не так ли?

– Нет, – подтвердил Виктор. – Как и у тех тысяч людей, которых вы приговорили к смерти своим «Манифестом Восхождения».

Транспортник Последнего Университета мчался сквозь грозовые облака, унося Виктора, Кван и небольшую группу эвакуированных из пылающего Прибрежного Содружества. Через иллюминаторы были видны вспышки взрывов и столбы дыма, поднимающиеся от поселений. «Восходящие» методично уничтожали всё, что было связано с «Нисходящим кодом».

Виктор сидел напротив пленного Мартина, анализируя информацию, полученную от него во время короткого допроса. Картина вырисовывалась мрачная: атака на Прибрежное Содружество была лишь первым шагом в глобальной операции по уничтожению всех последователей «Нисходя-

щего кода». «Восходящие» планировали атаковать и другие поселения, включая Нижние зоны, которые Виктор посетил с Линой и Хартом.

Но самое тревожное – существовал план атаки на Последний Университет. Не прямое военное нападение, а более изощрённая операция: внедрение модифицированного био-агента в системы жизнеобеспечения, чтобы уничтожить всех участников программы, находящихся внутри.

– Когда? – требовательно спросил Виктор. – Когда планируется атака на Университет?

Мартин пожал плечами:

– Я не знаю точных сроков. Я не был в группе планирования. Но скоро. Очень скоро.

– И Эмили возглавляет эту операцию?

– Доктор Чен руководит всем проектом «Восхождение», – уклончиво ответил Мартин. – Оперативное командование у военных специалистов.

Виктор посмотрел на Кван, сидевшую рядом. Она слушала разговор с непроницаемым лицом, но её глаза выдавали напряжённую работу мысли.

– Нужно предупредить Университет, – сказал он. – Если это правда, тысячи людей в опасности.

– Связь заблокирована, – ответила Кван, проверив коммуникатор. – «Восходящие» создали помехи во всём регионе. Мы сможем связаться только когда будем ближе.

– Сколько времени займёт обратный путь?

– Около четырёх часов, – Кван посмотрела на приборную панель. – Если погода не ухудшится.

Четыре часа. Слишком долго, если атака уже началась. Лина, с её изменяющимся мозгом, была идеальной мишенью для биоагента. И Харт... несмотря на их разногласия, Виктор не хотел его смерти. Не таким образом.

– Есть способ ускорить полёт? – спросил он пилота.

– Отрицательно, – ответил тот. – Мы летим на максимальной скорости. И атмосферные возмущения только усиливаются.

Виктор откинулся в кресле, чувствуя бессильную ярость. Что-то не давало ему покоя в словах Мартина. Какая-то деталь...

– Подожди, – он подался вперёд. – Ты сказал, что атака на Университет будет биологической. Тот же агент, что использовался в Прибрежном Содружестве?

– Модификация, – уточнил Мартин. – Более специфичная версия. Нацеленная на конкретные нейронные паттерны.

– Паттерны участников «Нисходящего кода»?

– И не только, – Мартин посмотрел ему прямо в глаза. – Вашей дочери тоже. Её спонтанные изменения стали объектом особого внимания. Доктор Чен считает, что это наиболее опасный вариант распространения.

Виктор почувствовал, как внутри всё холодеет:

– Эмили специально модифицировала вирус, чтобы он поражал Лину?

– Не только её, – пожал плечами Мартин. – Всех с подобными изменениями. Но да, её паттерны использовались как одна из целевых моделей.

Виктор вспомнил нейропротектор, который Эмили дала ему для Лины перед отъездом. Был ли это действительно защитный препарат? Или часть более сложного плана? Мог ли он содержать маркер, который сделает Лину ещё более уязвимой для специфического биоагента?

– Нужно связаться с Университетом, – настойчиво сказал он Кван. – Любым способом. Моя дочь в опасности.

– Я понимаю ваше беспокойство, – ответила она. – Но все коммуникации блокируются. Мы можем только надеяться добраться вовремя.

– Надежда – это не стратегия, – возразил Виктор.

Мартин наблюдал за их обменом с лёгкой усмешкой:

– Забавно слышать, как ты переживаешь за дочь, Рамирес. Ты, кто так долго боролся против «Нисходящего кода». А теперь, когда она стала его частью...

– Заткнись, – оборвал его Виктор. – Если с Линой что-то случится, я лично привлеку Эмили к ответственности. И тебя вместе с ней.

– Меня? – Мартин рассмеялся. – Я всего лишь исполнитель. Как и ты. Мы все пешки в этой игре эволюционных путей.

Виктор отвернулся, пытаясь справиться с тревогой и гневом. Он должен был быть рядом с Линой. Должен был защи-

щать её. Вместо этого он улетел, оставив её в потенциальной опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.